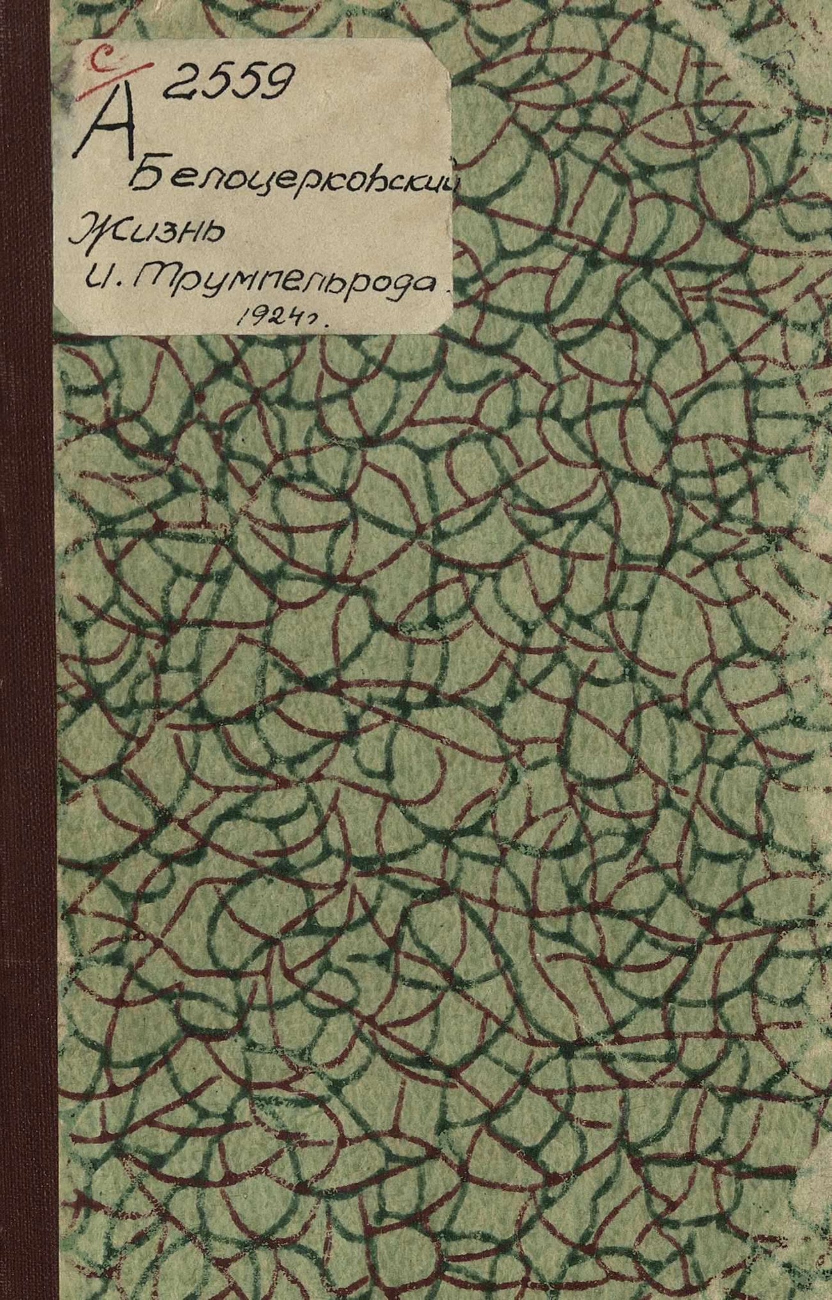

С/А 2559
Белоцерковский
Жизнь
И. Трумпельрода.
1924 г.

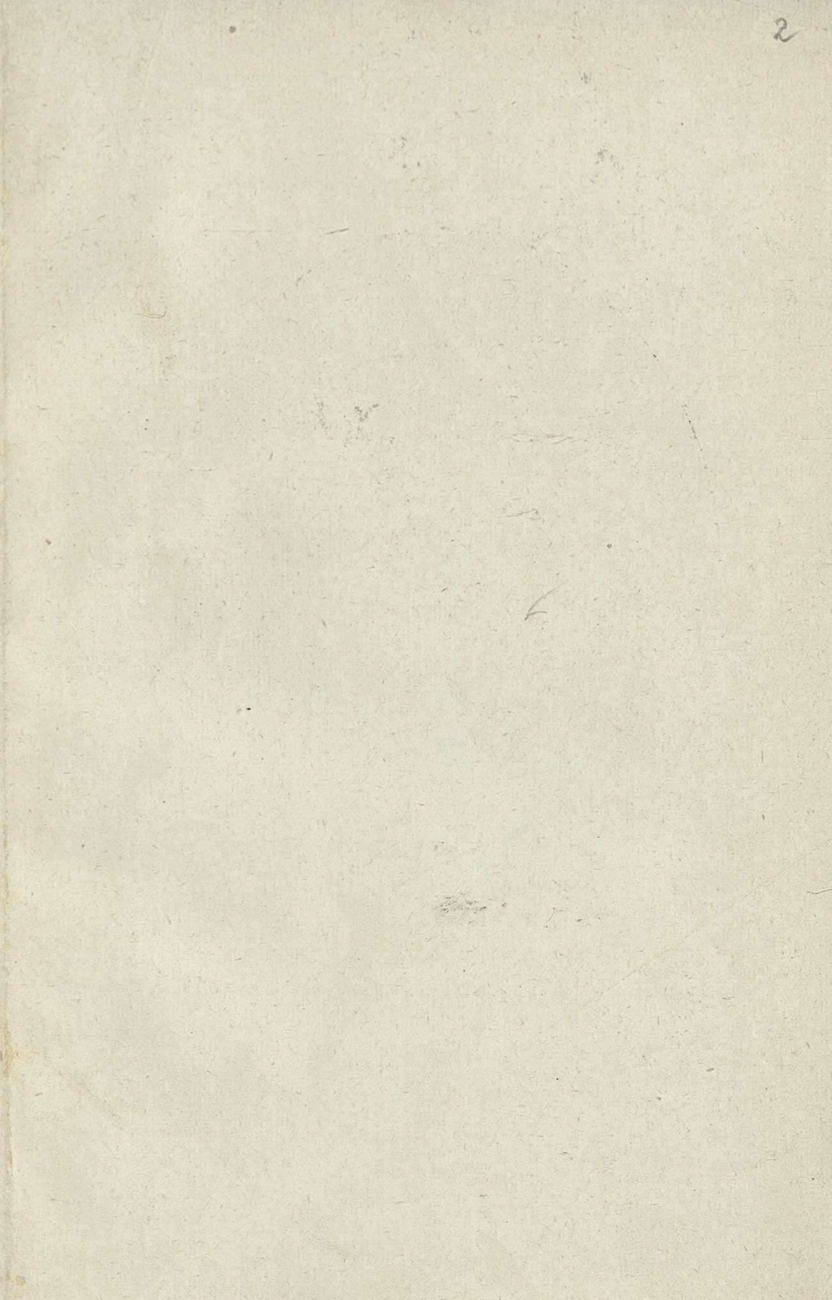
Д. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ
(ACHIJOSEF)

ЖИЗНЬ ИОСИФА ТРУМПЕЛЬДОРА

(ВОСПОМИНАНИЯ)

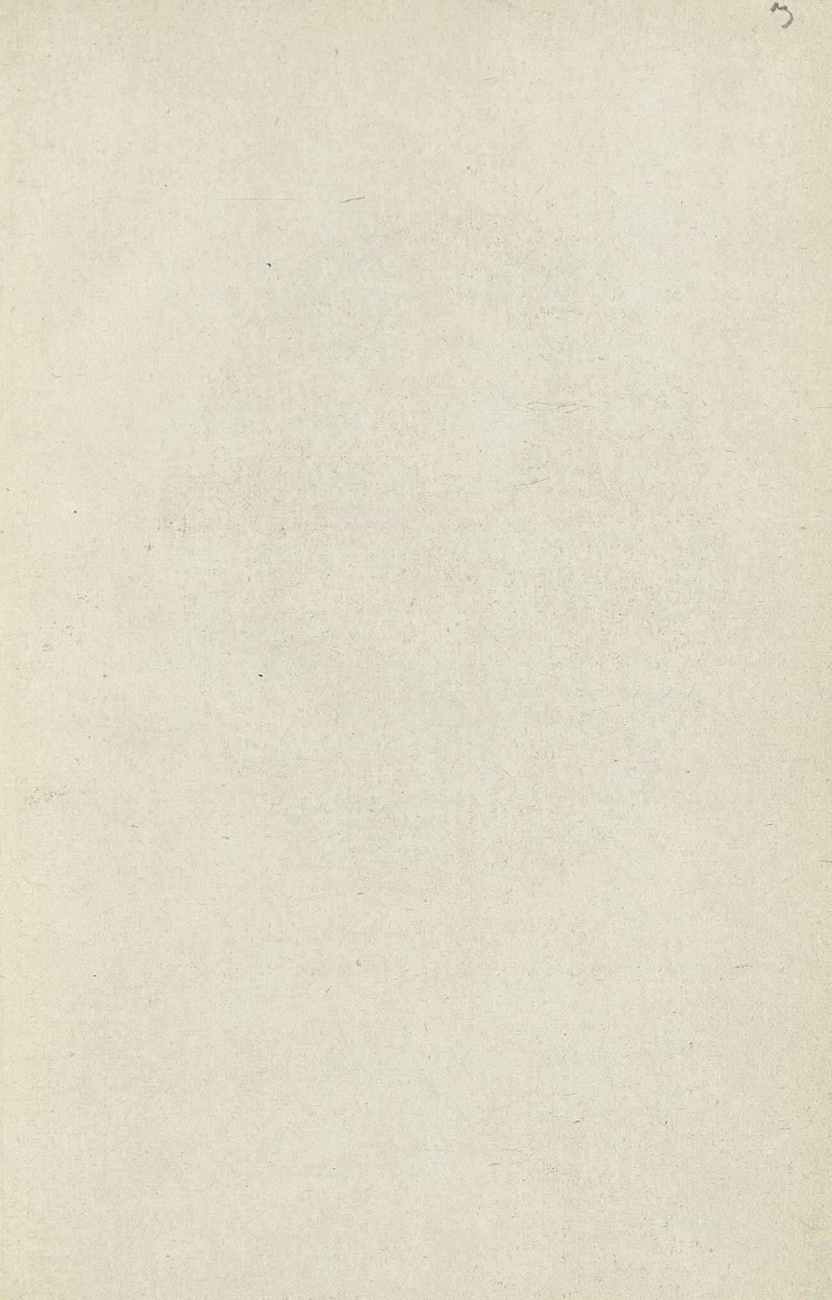

БЕРЛИН 1924

ИОСИФ ТРУМПЕЛЬДОР
пал при защите Тель-хай, в Галилее, 11 Адара 1920

ДАВИД БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ
умер в Тель-Авиве, 16 Нисана 1922

4

Д. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ
(ACHIJOSEF)

ЖИЗНЬ ИОСИФА ТРУМПЕЛЬДОРА

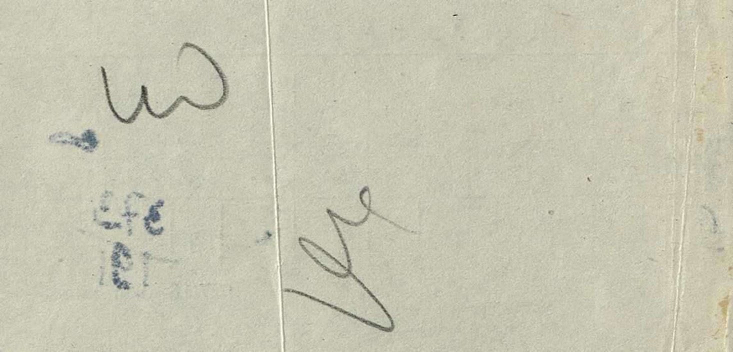
5

КНИГА ИМЕЕТ

Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1958 г.
				2		373 / 191	

9

627/16—250 тыс.

Д. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ
(ACHIJOSEF)

ЖИЗНЬ ИОСИФА ТРУМПЕЛЬДОРА

(воспоминания)

Р. Рубинштейн

ТРУМПЕЛЬДОР В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ

с предисловием И. ШЕХТМАНА

БЕРЛИН • 1924

Buchdruckerei Lutze & Vogt G. m. b. H., Berlin SW 48

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы «ленивы и нелюбопытны» в отношении своего прошлого и настоящего. Некоторое понимание и интерес к событиям, к отвлеченным процессам постепенно вырабатывается в еврейской общественной мысли. Но интереса к живым людям, к творцам и участникам этих процессов — у нас нет. Может быть, в этом сказалось традиционное еврейское отталкивание от всякого телесного воплощения образов, от живописи и скульптуры. Может быть, наша общественная мысль, воспитанная на несколько вульгаризированном «историческом материализме», лишена вкуса к поставленной Н. К. Михайловским проблеме «героев и толпы», чужда понимания роли героев и героического в истории, которую так ярко осветил Карлейль.

Все персонально-героическое в еврейской истории и жизни как-то заброшено, оставлено без внимания. Крупные, незабываемо яркие фигуры с геллертерской скрупулезностью «вставляются в рамку исторического процесса», обесцвечиваются и обезличиваются. И в нашей исторической,

политической и биографической литературе до обидного мало места уделяется тем немногим героическим фигурам нашего недавнего вчера, жизнь которых волнующе своеобразна, исполнена великих дерзаний и достижений, насыщена бурной сменой событий.

Иосиф Трумпельдор — один из этих немногих. В пятнадцать лет своей взрослой жизни (1904—1920) он уложил необычайно богатое, способное заполнить десятки жизней, содержание. Внешне это содержание пестро и изменчиво. Солдат русской армии, творящий чудеса храбрости в войне с Японией во славу русского оружия; лагерный культуртрегер, «безрукий учитель» десятитысячной многоплеменной «кобылки» в японском плену; типичный еврейский экстерн, шестнадцать часов в сутки просиживающий за книгой, чтобы получить «аттестат зрелости», потом жадный до знания студент, на письменном столе которого не переводится Маркс и Этьен Кабе, Туган-Барановский и Петражицкий; апостол и создатель «трудовых коммун» для Палестины, сам уходящий в качестве простого рабочего и землепашца в Палестину; потом вдруг один из творцов еврейского легиона в Галлиполи, блестящий капитан английской службы; один из организаторов еврейской самообороны во время Иерусалимского погрома; вновь рабо-

чий, инициатор создания палестинского рабочего об'единения «Histadrut», преодолевший партийную распрю во имя общих интересов трудовой Палестины; создатель организации «Гехолуц»; наконец, герой и жертва Тель-Хай, погибший с оружием в руках при защите родной земли.

Многоликим рисуется Трумпельдор в этом беглом конспекте пятнадцати лет борьбы и творчества. Но есть глубокое внутреннее единство в этой внешней пестроте. Это тот героический порыв, романтический оттенок, каким проникнут весь облик этого привлекательного человека. Он — боец. Его неудержимо тянет к борьбе, к опасностям, к новым, непротоптанным путям. В нем бурлят большие, неиспользованные силы. Он проникнут неукротимой жаждой творчества. И он всегда, во всем тот же. Он берется за самое трудное, самое опасное. И он отдает себя всего тому, чем увлечен сегодня. В каждый данный момент он — homo unius rei, человек одного дела. В этом был секрет его почти деспотического обаяния, его магического влияния на мысль и чувство окружающих. Ибо этот драгоценный дар сосредоточения на одном пункте присущ совсем немногим. И он гипнотизирует, подчиняет людей.

Трумпельдор обладал этим даром в высокой степени. В своеобразном синтезе сочетался в

нем героизм войны и мира, меча и труда. Он в равной мере был творцом и вождем в огне сражений и в идиллической атмосфере плуга и серпа. Покорный зову необходимости, он легко и внутренне свободно сменял рабочую блузу на солдатский мундир. Он был самим собой и в том и в другом одеянии и не знал искусственного, надуманного противоречия между жертвой кровью и жертвой пóтом. И в качестве живого олицетворения этого воплощенного в нем символа создан его памяти «легион труда» — милитаристическая трудовая организация, хранящая его заветы. До сих пор неумолчно звучит в стране «гимн Трумпельдора», рассказывающий, как «в Галилее, в Тель-Хай пал герой Иосиф»; до сих пор паломничают в день его смерти, 11 адара, на его могилу ученики и друзья. Вокруг его имени и образа непрестанно ткется волнующая героическая легенда любви и преклонения, и нерукотворным знаменем реет его облик над всей молодой трудящейся Палестиной.

Биографию Трумпельдора нужно знать. Обидно и грешно, что до сих пор она не написана, не вошла настольной книгой в каждую еврейскую библиотеку. Наше юношество лишено неисчерпаемого источника чистых и возвышенных впечатлений, героического примера подражания, вдохновляющего и волнующего, рождающего луч-

шие порывы, любовь к народу, волю к борьбе и жертве.

Такая биография еще не написана. Предлагаемая книга только зародыш этой биографии. Она не окончена и обрывается на самой, быть может, многообещающей и важной странице жизни Трумпельдора — зрелого мужа. Она написана не профессионалом-писателем, не художником слова. Отдельные моменты освещены непропорционально подробно, другие словно стушеваны. Но эта биография имеет свою совершенно особенную ценность: она написана человеком, 15 лет почти неотлучно проведшим вместе с Трумпельдором, его близким другом, делившим с ним горе и радость, проделавшим бок о бок с ним почти все этапы этого пятнадцатилетия.

Давида Белоцерковского ныне уже тоже нет в живых. Он умер на своем посту в 1922 году, 42-х лет. Жизнь его долго была неразрывно сплетена с жизнью Трумпельдора.

Давид Белоцерковский родился 28 июня 1880 года в м. Смеле, Киевской губ. Начальное образование он получил в хедере, потом в городской школе. Еще юношей он вступает в сионистскую организацию. На 21-м году Белоцерковского призвали на военную службу; здесь, на маневрах, он знакомится с Трумпельдором; с тех пор они

неразлучны. Вместе попадают они в 1904 г. в Порт-Артур, разделяют потом тяготы плена и обучают грамоте 10 000 военнопленных разных национальностей. Здесь зарождается у них идея создать в Палестине еврейскую стражу — типа позднейшей организации «Haschomer». Вернувшись в Россию, они обращаются с этим проектом к М. Усышкину, но он резко отклоняет его. Обезкураженные, друзья откладывают свою поездку в Палестину и решают закончить свое образование. Вместе ведут полуголодное «экстерническое» существование, обедают за 5—6 копеек, занимаются днем и ночью. Наконец, оба сдают экзамен на аттестат зрелости. Трумпельдор поступает на юридический факультет, Белоцерковский — в сельско-хозяйственный институт. Оба много работают в сионистской организации; Белоцерковский избирается секретарем Палестинской комиссии в Петербурге. В 1914 г. он сдает выпускные экзамены в институте; остается лишь представить дипломную работу. Темой для нея он избирает: «Палестинские колонии». Но его не удовлетворяет книжный материал, и он уезжает в Палестину, чтобы изучить вопрос на месте. Но вспыхивает мировая война, и Белоцерковский, вместе с тысячами других, вынужден покинуть страну. Он попадает в Египет. Здесь Белоцерковский, вместе с Трумпельдором,

образует инициативное ядро еврейского легиона, являясь одним из первых легионеров. Вскоре, однако, он расходится с Трумпельдором во взглядах и выходит из легиона; в Галлипольской компании он участия не принимает. В 1915 г. Белоцерковскому удается вернуться в Россию. Болезнь легких вынуждает его поселиться в Крыму. Здесь он развивает разностороннюю и энергичную сионистскую работу, организовывает группы, избирается в Городскую Думу, в общину, создает народный клуб имени Герцля, еврейскую детскую площадку, работает для библиотеки и школы, составляет общинный устав. В 1919 году избирается в члены сионистского центрального комитета Таврии. В Симферополе он создает первое в Крыму палестинское эмиграционное бюро, подготовляет к отправке партии «халуцим».

В 1920 г. Белоцерковский сам уезжает в Палестину. Приезжает он вскоре после драмы в Тель-Хай и гибели Трумпельдора. Встретившая его первая группа отряда Трумпельдора просит его взять на себя составление биографии последнего: никто лучше его не знает жизни покойного вождя. Но Белоцерковский колеблется, — он недостаточно владеет еврейским языком; в конце концов он уступает настояниям товарищей, переезжает в Тивериаду и начинает работать над биографией.

Дни его, однако, сочтены. Случайно схваченная простуда ускоряет давний легочный процесс. Несмотря на болезнь и температуру, он еще в постели продолжает работу. Смерть оборвала его на той странице, которой заканчивается эта книга. Умер Давид Белоцерковский в канун Пасхи 1922 года.

И лучшим памятником для этого, так рано сошедшего в могилу, деятеля явится опубликование его воспоминаний о своем друге и учителе — Иосифе Трумпельдоре.

И. Шехтман.

Канун Пасхи
1924 г.

Вот он, как живой, стоит предо мною, этот «рыцарь без страха и упрека». Высокий, стройный, с красивым, открытым и приветливым лицом, общительный и простой, с орлиными, проницательными глазами, внушавшими уважение к себе и приводившими в трепет тех, на кого он гневался. А гневаться он умел . . .

Мне пришлось пережить с ним многое. Вступили мы на путь дружбы при исключительных обстоятельствах — на военной службе, и с первого-же дня нашего знакомства подружились. Вместе терпели невзгоды, вместе подвергались лишениям и опасностям на войне, и я считаю себя вправе сказать, что трудно было сыскать более испытанного и надежного друга, чем он.

Кто мог сказать, что именно на мою долю выпадет задача писать о жизни и деятельности покойного друга. Тяжело мне писать о Иосифе Трумпельдоре, с которым я почти неразлучно провел более 15 лет. Тяжело еще потому, что я не намереваюсь здесь скрывать его ошибки и слабости. Да, он не мало оши-

бался; ошибался в людях, ошибался в практике жизни, ошибался и в своих силах...

Для Трумпельдора характерна была прежде всего его неутомимая энергия и жажда совершенства, поиски чего-то такого, что в сущности никогда не могло быть достигнуто. Но чем труднее был путь к недосягаемому, тем энергичнее он напрягал свои силы. А он в свои силы верил, верил в себя и в свою правду, а его правдой было — благо его народа. Компромиссы были ему чужды. Он строил планы, иногда фантастические, иногда вполне реальные, — и шел к цели прямо.

Многие удивлялись фантастичности его планов и их наивности, но это не была наивность, а какая-то особенная вера и порыв человека, всю жизнь жаждащего цельности и прямоты. Иные считали его догматиком, раздираемым рефлексией, лишенным — несмотря на все стремления, — подлинной цельности, человеком все таки оставшимся посредине между ассимиляцией и национальной идеей. Его называли «кающимся ассимилятором».

В известной мере это было так. В его национальной и сионистской работе чувствовалась какая-то оторванность от корней еврейства. Он говорил о своем народе, как идеалист, со стороны. У него не чувствовалось конкрет-

ной связи с историческим еврейством и его традициями. Но это было потому, что он действительно вырос в необычайной обстановке, вдали от еврейской среды, вне черты еврейской оседлости и пришел к национльному еврейству не в силу воспитания, среды и традиции, а силой идеалистических влечений и тоски по национальной цельной жизни. Но эта сила была в нем внутренняя, прочная, крепкая. Человек исключительных способностей, редкого обаяния, железной воли и неутомимой энергии, он, прийдя к своему народу из ассимилированной среды, отдал народу все свои силы, отдал самую жизнь, пав при защите границ его страны—Палестины. Добровольно наложив на себя великие тяготы, он шел радостный на служение народу, как идут на празднество, и своею радостью воодушевлял других.

* *
*

1

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Был конец ноября 1902 года. Стояли сильные морозы. 76-ой пехотный Кубанский полк, в котором я служил, квартировал в г. Тульчине, Подольской губернии. Городок был маленький, грязный, бедный. Единственным источником заработка для жителей был полк.

Я только что вернулся из отпуска. Было раннее утро. Едва я добрался до Красных казарм (я служил в 13-ой роте) и перешагнул порог, как фельдфебель тщательно стал меня обыскивать. Я был крайне поражен. Но товарищи мне об'яснили, что с приходом новобранцев стали исчезать из казармы винтовки, а посему пошли такие строгости. Я узнал также, что в 1-ой роте уже пятая винтовка украдена и что подозрение падает на одного новобранца с Кавказа. Новобранец этот — «интеллигент», зубной врач, «славный парень», как мне передавали, высокий, красивый. Русские говорят, что он еврей, евреи от-

рицают это, так как он ничуть не похож на еврея. Некоторые же шутили: он не русский и не еврей, а просто чудак, ибо, имея все права привиллегированного, он исполняет все черные работы обыкновенного солдата: чистит двор, ватерклозеты, моет полы, работает на кухне и ест из общего котла.

Прошло несколько недель. Однажды ночью я стоял на внутреннем посту. Смотрю, кто-то приближается ко мне. Я окликнул: «кто идет?» Последовал ответ, что фельдфебель 13-ой роты. Я его подпустил к себе. Думал я, что он спросит по обыкновению, по казенному, все ли благополучно и, уйдя, пообещает скоро прислать смену. Но фельдфебель вдруг шопотом стал мне рассказывать, что только-что арестовали таки этого кавказца, зубного врача, так как вполне доказано, что это именно он крал винтовки. — «Кем же это доказано?» — полюбопытствовал я. — «Как же, сам командир полка арестовал его, это не шутка». — «Что же ему может быть за такой поступок?». — Ответ был краткий: «Смерть». Фельдфебель удалился. Какое-то особое волнение овладело мною, какое то болезненное желание повидать его, этого преступника, узнать, еврей-ли он действительно, и спросить у него чистосердечно, замешан-ли он в этой

таинственной краже винтовок. Не может быть, — подумал я, — чтобы он участвовал в этой темной истории. Нет, это просто поклеп, навет на него, на нас всех, евреев-солдат 76-го пехотного Кубанского полка. Не дай Бог, если его осудят...

Пришла смена, я передал пост и ушел в казарму. На завтра только и разговоров было в казармах, что о нем, но фамилию его никто не мог назвать. Русские злорадствовали над нами, евреями: жид, мол, везде богатеть хочет...

Вдруг нам об'являют, что в 10 часов утра будет смотр новобранцам, а еврейский мальчик из городка будет опознавать того солдата, которого он видел около турецкой пекарни еще с одним солдатом, которому он рассказывал об украденных винтовках. Зрелище было не из обыкновенных: 500 солдат стоят в струнку и не дышат; впереди идет чумазый еврейский мальчуган, лет 13, руки заложив назад, а за ним полковник и прочие обер- и штаб-офицеры. Мальчуган пристально смотрит на солдат, ища кого-то, — но никого не находит. Нет здесь того солдата, которого он видел около пекарни, — заявляет он. Командир полка советует ему еще раз обойти ряды — может быть, он кого-нибудь пропустил.

Мальчик вторично проходит по рядам новобранцев. Мы стоим в стороне и ждем, что будет. Вот он подходит к «зубному врачу»; вот, кажется, он ткнет пальцем и скажет: да, это он, тот самый... Но гроза прошла мимо, мальчик даже не замечает этого солдата. У нас отлегло от сердца. Еврейская честь восстановлена. Его, арестованного, сейчас, по всей вероятности, выпустят из гауптвахты, — подумал я. Но оказалось иначе: всех новобранцев отправляют по ротам, а его, «виновника», под конвоем ведут обратно на гауптвахту. И тогда я впервые увидел его — красивого, высокого, с благородной осанкой юношу, с привычкой, повидимому, держаться прямо. Плечи и грудь широкие, руки длинные, лицо продолговатое, улыбающееся, открытое и симпатичное, глаза строгие, проницательные.

Все дело очень скоро кончилось ничем. Никаких оснований к обвинению «зубного врача» в краже винтовок абсолютно не было. Было совершенно непонятно, почему подозрение пало на него. Приехавший из Винницы в Тульчин военный следователь быстро напал на верный след, и арестованного освободили.

Мое личное знакомство со странным новобранцем началось через несколько дней после описанного мною смотра. Он сидел, еще тогда

в заключении, а мне довелось быть часовым на гауптвахте. Тогда-то мне и удалось крадучись говорить с ним. Я узнал, что его фамилия Трумпельдор, что он еврей с Кавказа, из Пятигорска, по профессии дантист, что служит он, как солдат по набору, и что он — сионист.

Однако, настоящим образом познакомиться с ним пришлось мне лишь значительно позже — на маневрах, когда весь полк находился в лагере, и мы могли ежедневно в свободное от занятий время встречаться. Знаменитый Меджибовский военный плац, на котором маневрировал весь киевский военный округ, был местом первой встречи моей с Трумпельдором. Помню, как теперь, — это было в августе 1903 г. Мы оба лежали, вытянувшись во весь рост на земле, внутри маленькой походной палатки, — и он излагал мне план сионистской работы среди евреев солдат нашего полка, — когда полк вернется на зиму в Тульчин. Надо, — говорил он, — сорганизовать кружок, который имел бы две цели: культурно-просветительную и трудовую. На вопрос, что такое трудовая цель, он ответил:

— Мы должны использовать военную службу для сельско-хозяйственной подготовки, и можем это сделать очень легко. Ведь

полк два раза в году уходит на вольные работы: летом, во время уборки урожая, на полевые работы, и осенью — на свекловичные плантации для уборки свеклы. Эти работы были-бы чудесной школой для нас, и мы, евреи-солдаты, должны также ходить на эти работы, а не поступать, как до сих пор, когда евреи оставались в полку нести гарнизонную службу. Это и некрасиво и нецелесообразно для нас, сионистов. Мы обязаны за 3—4 года военной службы подготовиться к земледельческому труду, научиться пахать, косить, вязать, жать, работать при машинах и проч. и проч., чтобы затем, после окончания военной службы, быть полезными родной стране, Палестине. — Так мечтал юноша Трумпельдор в 1903 году.

Мы вернулись в Тульчин. Был сентябрь. Погода еще стояла хорошая. Полк наш готовился к осенним работам и пока никаких занятий не производилось. Мы были свободны. Трумпельдор уже считался старослужащим и пользовался свободой. Он сразу-же взялся за работу по организации сионистского кружка среди солдат. Он собрал инициативную группу и изложил ей свою программу. Программа его была нами принята; был избран комитет из трех лиц, в их числе Трумпельдор, в качестве

председателя. Уже на завтра он созвал новоизбранный комитет и предложил ему провести начала его плана, а именно, чтобы раньше всего члены комитета, а затем и члены кружка отправились на осенние работы по уборке свеклы вместе со всем полком. Но этим планам не дано было осуществиться. Надвинулись события на Дальнем Востоке, и пришлось собираться на другую, кровавую страду — на войну, в Порт-Артур.

172 человека выбрали у нас для отправки в Порт-Артур на сформирование 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Среди предназначенных к отправке был и Трумпельдор. Но однажды он явился ко мне с новостью: его исключили из числа 172. Он был очень расстроен. Но, — заявил он, — он будет всячески добиваться, чтобы его опять включили в число отправляемых; он уже был у ад'ютанта полка, который посоветовал ему подать докладную записку дивизионному генералу, который должен на днях прибыть в Тульчин. Так он и поступил. Приехал дивизионный генерал. На смотру от'езжающим Трумпельдор обратился к генералу, рассказал ему всю историю своего назначения в Порт-Артур, а затем своего исключения из списка и просил его вновь включить его в число отпра-

вляемых, как добровольца. Генерал обратил внимание на его фигуру, потрепал его по плечу и обратился к командиру полка с вопросом, по какой причине исключен такой бравый солдат. Полковник — тот самый, который зимою арестовывал Трумпельдора — ответил генералу, что именно потому, что Трумпельдор бравый солдат, он решил оставить его в полку и послать его в учебную команду, а по окончании военной школы произвести его в взводные унтер-офицеры. Тогда генерал спросил Трумпельдора, что он предпочитает : быть-ли унтер-офицером или отправиться в Порт-Артур. Трумпельдор повторил свою просьбу об отправке на Дальний Восток. Генерал распорядился о зачислении его в число «избранных». И Трумпельдор вместе с нами стал усиленно готовиться к отправке.

Таким образом очутились мы, — Трумпельдор и я, — в одной роте. Время шло быстро; пришел день отправки. На «проводах», которые устроил нам полк в присутствии дивизионного генерала, мы почуяли, что в серьез пахнет порохом. Но Трумпельдор не унывал, и его веселость и оптимизм передавались и нам. Жизнерадостность вообще не покидала его ни при каких обстоятельствах. Во время нашего длинного путешествия по дороге на

Дальний Восток, по великому сибирскому пути, он старался внести интерес и содержание в это путешествие. Так, когда мы достигли Самары — это было ночью, —он собрал нас, евреев, в угол вагона (нас было трое: он, я и еще один товарищ, который потом в Порт-Артуре пропал без вести) и предложил нам обсудить «план» работы. Вот, — говорил он, — мы проедем всю Сибирь, по городам и деревням которой разбросаны маленькие еврейские общины; их обследованием мы и должны заняться. Это для нас доступно, потому что по маршруту наш эшелон должен ехать до Порт-Артура дней 45, и каждый день он будет стоять в каком-нибудь городе. Схема нашей работы должна быть установлена приблизительно так: выяснить число душ в каждой общине; имеется-ли школа, хедер, Талмуд-Тора, синагога, раввин (духовный, общественный), шохет; существует-ли сионистский кружок, библиотека, читальня, выписывают-ли еврейские газеты и т. п.

Когда мы перевалили через Байкал, Трумпельдор изменил свою «схему» работы. Здесь — говорил он — нет евреев, а если и имеются, то очень мало; а посему займемся тем, что будем изучать природу, жизнь бурятов, монгольских племен, населяющих Забайкалье, узнаем

их обычаи, нравы, религию; они ведь занимаются скотоводством, а это пригодится и нам в Палестине. Мы приближались к Порт-Артуру. И у Трумпельдора возникает новая мысль. Хотя до Порт-Артура осталось сравнительно мало пути, но все же нам хватит достаточно времени, чтобы познакомиться хотя бы поверхностно с тем народом, с которым нам придется сталкиваться в Порт-Артуре, — с китайцами. — И как испытывающий жажду набрасывается на воду, так Трумпельдор взялся за это дело. За короткое время он много узнал, многому научился. Таким образом доехали мы до Порт-Артура, где начинается новая страница его жизни, — страница военная.

II

РОДИТЕЛИ ТРУМПЕЛЬДОРА

Отец Трумпельдора — Вольф умер глубоким стариком, лет 85, в начале этой войны, не повидав перед смертью сына своего Осю, который в это время находился в Галлиполи. Не знаю, знал-ли этот милый старик о том, что его гордость, его Ося — капитан английской службы и стоит во главе еврейского легиона. Когда я вернулся осенью 1915 г. в Россию, я уже не застал старика в живых.

Вольф Трумпельдор — выходец из Польши. Попал на Кавказ, как солдат, еще во времена Николая I, и вместе с другими завоевывал Кавказ для русского царя. Треть своей длинной жизни отдал он царской службе и «отечеству», много мук принял на военной службе, как еврей, но веру свою сохранил. А соблазн отступничества был велик. Ему за крещение сулили большие блага: офицерский чин, хорошее место, обеспечение детей и проч. К тому, что он терпел от начальства, прибавились еще

настояния жены — матери Иосифа, — чтобы он отрекся от еврейской религии. Но он устоял и против этого давления и сохранил веру своих отцов. До конца дней своих он остался глубоко религиозным, несмотря на весь свой «гойский» дом, заведенный его женой Федосией. Он, как полагается, трижды в день молился, по субботам не работал, посещал синагогу, соблюдал еврейские посты. Но своих детей воспитывал не он, этим делом занималась жена. Выйдя в отставку в чине военного чиновника с мундиром, он поступил фельдшером в еврейскую больницу в Ростове н/Дону, где и работал до глубокой старости.

Любимым сыном его был маленький Ося; в нем он всегда встречал поддержку в «борьбе» по вопросам о кошер в доме и пр. Маленький Ося всегда принимал сторону отца, ибо, как он сам об этом рассказывал, он с детства чувствовал какую-то потребность в религии. Отец, очевидно, чуял в своем сыне своего продолжателя и посвятил ему гораздо больше внимания, чем другим детям; отдал его даже в хедер, где, впрочем, мальчик пробыл всего одно полугодие. Но этот короткий промежуток был для ребенка целым событием. В хедере он впервые узнал об еврействе, узнал от «ребе», что «Адам и Ева были евреями», что Самсон-

богатырь также был еврей, что еврейский народ когда-то имел свое государство и называлось оно Эрец-Исроэль, что Давид-пастух, победивший Голиафа, был сын еврейского земледельца—значит и у евреев были земледельцы. Мальчик все это жадно впитывал в себя. Хедер имел на маленького Трумпельдора влияние еще в одном направлении, — и, может быть, даже не столько сам хедер, сколько сорванцы из хедера. Под влиянием их насмешек над тем, что у его отца и матери в доме на Пасху не кошер, он устраивает своей матери форменную «революцию» —, понятно, при поддержке отца, — и заставляет ее не только купить мацу, но и переменить прежнюю хомецную посуду на пасхальную. Эту «победу» свою он одержал, когда ему было 7 лет, и сумел закрепить ее навсегда. После этого отец полюбил его еще больше прежнего, найдя в Осе свое утешение. И действительно, он имел от мальчика много радости. Ося учился на пятерки, кончил отлично городское училище, выдержал экзамен в реальное, но не попал в процентную норму. Мать тогда настаивала на крещении, но маленький Ося — уже «сознательный националист» — категорически отклоняет предложение матери, к великой радости отца.

У старика Трумпельдора были свои пред-

ставления о добре и зле, о праве и морали. Когда он получил известие, что его Иосиф получил первую военную награду за боевое отличие, он написал ему полное старческой мудрости письмо. Он убежден,—писал он,—что это лишь первый шаг Оси на войне. Пусть-же он знает, что в военном деле важен не только первый момент, когда солдат молод и горяч; по мере того, как воин становится старше, его горячность должна остывать, и он должен думать о том, чтобы сохранить свою жизнь — и чужую. Ибо еще древние говорили, что побеждает не тот, кто безрассудно расходует людей, а, наоборот, тот, кто умеет сохранить резерв, чтобы в нужный момент поддержать передовой отряд. Пусть он помнит это, и пусть помнит также, что он — еврей. Второе письмо прислал старик любимому сыну, когда мы уже были в Японии, в плену, когда тот уже потерял в Порт-Артуре руку и был награжден чином и отличием. Отец писал ему, что он по газетам узнал о подвиге сына и его отличиях. Конечно, это для него большая радость, и он верит, что сын его настолько энергичен и силен, что дух его останется крепок и что он будет достоин своих славных предков.

В то время, как отец Трумпельдора упорно именовал себя Вольфом, мать его величилась

Федосией. Федосия Моисеевна была вторая жена у Вольфа Трумпельдора. Кроме Иосифа, у них было еще несколько сыновей и дочерей, но все они, кроме него, всосали в себя отрицательное отношение к еврейству, особенно к национальному, не знали его и не хотели знать. Они учились в русских школах, вращались среди русских, а если и среди евреев, то только среди ассимилированных или крещенных. Старшая дочь крестилась; другая дочь вышла замуж за студента, который, чтобы поступить в университет, тоже отрекся от еврейства. Вообще в семье матери Трумпельдора было много крещенных; это считалось здесь делом весьма простым и обыденным. Но совершенно иначе, конечно, смотрел на это Иосиф. Брат его, которого он, между прочим, очень любил, жил много лет в Париже и после 1905 г. вернулся в Россию и поселился в Петербурге. Иосиф был этому очень рад, но. . . у брата жена была не-еврейка, и этого достаточно было, чтобы он отнесся к нему сдержанно и редко посещал любимого брата.

Федосию Моисеевну довелось мне видеть в то время, когда Трумпельдор уже находился в Палестине (1912 г.), работал в колонии Мигдал и писал оттуда свои замечательные письма, которые, к сожалению, пропали. Мать при-

ехала в Петербург повидать своего второго сына и сочла своим долгом познакомиться с товарищами Оси. Предо мною предстала довольно пожилая, стройная, высокая, красивая женщина. Говорила она чистым русским языком. О «своем Иосифе» говорила с большой любовью. Мечтала поехать в Палестину и жить вместе с ним в колонии: хозяйство она знает, работать умеет, — и теперь она уже не «ассимиляторка». Правда, раньше она была далека от всего еврейского, но теперь все это прошло. Повлиял на нее, — говорила она, — Иосиф. Она даже старается теперь говорить по еврейски (идиш) и молиться умеет. Она на все готова, лишь бы жить около сына в Палестине, в его «коммуне». Одним словом — она «каялась».

Такова была та атмосфера и та среда, в которой рос Трумпельдор. Откуда, из какого источника, почерпнул он свое яркое и напряженное еврейское чувство? Из хедера? Но из хедера он не вынес хороших воспоминаний, да и не мог он вынести ничего отрадного из этой «жесткой, окаменелой школы», как он сам часто выражался. Влияла на него «улица»? Но улица в Ростове была русская. Повидимому, один только старик-отец своей религиозностью и своей неискоренимой привязан-

ностью к еврейству был для маленького Оси источником сначала неясных, но потом все более крепнувших еврейских настроений. Не малую роль сыграли и книги, которые находил он у отца, — об испанской инквизиции, о Иуде Маккавее, Бар-Кохбе, о Самсоне, о Иегуде Галеви, о Палестине и об «Израильском царстве» и т. п.

Из хедера, в котором он проучился очень мало, Ося перешел в городское училище, в котором он, однако, жил одинокой, обособленной жизнью. Несмотря на свою всегдашнюю готовность делать для других все возможное, он не сблизился ни с кем из своих школьных товарищей: слишком велика и резка была разница между ним и его соучениками. Он жил уединенно, замкнуто, в своем мире фантазий, мало соприкасаясь с реальной жизнью, и это развило в нем чувство и воображение в непомерной степени, особый идеализм и веру в людей. Вот почему он впоследствии так часто обманывался в людях.

Окончив городское училище, он дальше продолжать свое образование не мог, так как не попал в норму и не был принят в реальное училище. Но выбрать себе профессию было все же необходимо. И он остановился на зубоврачевании. Его старший брат был зубным

врачем, и к нему Ося поступил в обучение. Он очень скоро освоился со своей профессией, начал зарабатывать и стал самостоятельным. Вместе с этим он упорно продолжал свое самообразование.

В этот свой юношеский период он наткнулся на сочинения Льва Толстого. Они произвели на него огромное впечатление и стали предметом глубокого увлечения. Он запоем читает и перечитывает Толстого; учение это целиком поглощает его мысль и чувство, открывает перед ним новый мир, — мир добра, человеческой справедливости и самосовершенствования. Юноша Трумпельдор счастлив, ему кажется, что он нашел себя, и он становится убежденным «толстовцем». Перестает есть мясо, не курит, не пьет, даже почему-то сахару не употребляет; непрестанно работает он над собою, чтобы довести себя до идеала, до совершенства. Сравнивая свою жизнь и воспитание с учением Толстого, он приходит к выводу, что господствующая система домашнего и школьного воспитания коверкает людей, извращает их, и что только идеи Толстого могли бы быть спасительным средством против всего зла, которое имеется в современном обществе. Отсюда его непрестанные мечты о переустройстве общества на новых началах.

Вскоре, однако, юноша-Трумпельдор начинает находить уязвимые места и в толстовстве, и первой брешью оказывается — еврейский вопрос.

— Ведь Толстой — христианин, и почти все его адепты — христиане, между тем ни он сам, ни его последователи ничего не предпринимают против еврейских гонений и погромов. Когда обращаются к Толстому по этому вопросу, он отвечает как-то не прямо, словно неохотно, неопределенно. Значит и тут не все благополучно?..

Все больше начинает юноша-Трумпельдор задумываться над еврейским вопросом и над положением еврейства среди народов. Решающую роль в его жизни сыграл 1897 год, когда прозвучал по всему еврейскому миру голос Герцля. Лозунги — «Еврейское государство», «Эрец-Исроэль», «освобождение из голуса» — находят в молодом Трумпельдоре, с его жаждой осмысленной жизни и с его национально-еврейскими порывами, глубокий отклик. Он отныне весь отдается сионистскому движению, много читает о еврействе и сионизме, следит за конгрессами, изучает еврейскую историю, входит в сионистскую жизнь. В то время, как в своем толстовстве он был не деятелен, он в сионизме сразу становится активным работ-

ником: организовывает сионистский кружок в Пятигорске и становится его председателем. Пятигорск входил в Екатеринославский район, уполномоченным которого был тогда М. Усышкин, «человек железной воли и энергии», а энергию и волю Трумпельдор уже тогда ставил выше всего на свете. К этому времени ему уже было 20 лет; он получил диплом дантиста, сдав экзамен при казанском университете.

III

В ПОРТ-АРТУРЕ

Трумпельдор не хотел поступать на службу вольноопределяющимся, на что имел право, а ждал своей очереди по призыву. В 1902 году он был призван и принят простым рядовым в 76-ой пехотный Кубанский полк. Летом 1903 г., как мы писали раньше, он упросил начальство разрешить ему ехать добровольцем в Порт Артур. В Порт-Артуре он служил в 7-ой роте 27-го Восточного Сибирского стрелкового полка.

Порт-Артур разделялся на китайскую и европейскую части. Европейская часть, в свою очередь, делилась на старый и новый город. Наш 27-ой полк был расположен в новом европейском городе, на Тигровом Хвосте (маленький полуостров), одна часть которого омывалась непосредственно Желтым морем, а другие две — бухтой, которая широко разливалась во время прилива. Когда началась русско-японская война, полк наш был выведен

отсюда; он занял позиции в новом европейском городе, а именно форты лит. Д., №№ 5 и 4 и Голубинную бухту; в этой же части крепости находились форты Длинная, Мертвая Горка, Высокая, которая, между прочим, решила участь Порт-Артура, и еще многие другие сопки и укрепления. Здесь же в последние три месяца осады происходила главная борьба за Порт-Артур.

Но Трумпельдору не сиделось здесь, он считал эти позиции «глубоким тылом». Он скучал от бездеятельности. Ежедневно одна и та же работа. Нет ничего нового, нет перемен ни в ту, ни в другую сторону. Мы осуждены на прозябание, — говаривал он. Война, ведь началась в январе 1904 г., а вот уже май, а японцев нет как нет. Появляются они раз в две недели, выведут из строя какое-нибудь судно Порт-Артурской эскадры и уйдут опять во свояси, — а ты, пехотинец, сиди и жди у моря погоды. . .

Так бывало рассуждает он в кругу друзей и товарищей. Но вот наступил день 13-го мая. На горах при Кин-Чжоу начались упорные бои. 7-ая рота, находившаяся в резерве, выступила в поход и заняла позицию в 25—30 верстах от Порт-Артура, на Зеленых или Волчьих горах. Здесь впервые Трумпельдор

показал свою неукротимою отвагу. О нем заговорили, как о воине-герое. Он принял участие во многих рискованных вылазках и разведках. Его разведки отличались своим хладнокровием и выдержкой: он никогда не поднимал тревоги при встрече с неприятелем, а старался или взять его в плен, или же обратить его в бегство. Так продолжалось несколько недель — до тех пор, пока главные силы японской армии разбили русских, и наши передовые отряды вынуждены были отступить к самому Порт-Артуру. 7-ая рота вернулась «домой», в «глубокий тыл», на отдых. Трумпельдор принес с собою громкую славу героя и знак отличия военного ордена 4-ой степени. Но он не собирался почивать на лаврах. Уже очень скоро его начинает тяготить сидение в «глубоком тылу».

— Скука замучает, — обратился он ко мне однажды, — знаете, я думаю поступить в охотничью команду.—Охотничьи команды имелись тогда в каждом полку; им поручались самые рискованные предприятия, их посылали в самый жестокий огонь.

Задумано — сделано: Трумпельдор — охотник. Новые, сильные ощущения, новые неизведанные переживания, новые опасности; но опасности ему нипочем, а сильные пере-

живания и ощущения он, ведь, любит, смерти не боится; он — фаталист, он верит в судьбу.

В охотничьей команде он с первых же шагсв встретился с антисемитизмом. Полковой ад'ютант выстроил всех охотников, обратился к ним с речью, в которой высказал надежду, что между ними изменников и трусов не найдется, так как среди них нет ни одного жида. Трумпельдор не стерпел, выступил вперед и заявил ад'ютанту, что он — еврей, и однако он себя изменником и трусом не считает. Ад'ютант ответил, что его он в расчет не принимает, ибо он ничуть не похож на еврея. Трумпельдор тогда еще раз со всей настойчивостью подчеркнул, что он себя считает обыкновенным евреем, что кроме него есть еще в полку евреи — очень бравые, честные, расторопные; это видно и по приказам самого командира полка и по поведению тех евреев-солдат, которые занимают ответственные посты. Офицер ответил : «И тех, о которых ты говоришь, знаю я хорошо и говорю тебе, что и они непохожи на евреев». Трумпельдору осталось только умолкнуть. Долго не мог он прийти в себя после этой беседы.

Так встретила его охотничья команда, в лице полкового ад'ютанта. Встретила его, как мачеха пасынка. Но Трумпельдор не хотел

признать себя пасынком: он нес свою душу на алтарь русской армии, на алтарь России. Он служил ей со всей преданностью, с полным самоотвержением. Он считал тогда, что евреи не должны жалеть своей крови для успеха русского оружия. Он верил, что своею кровью, которую он прольет для России, он откроет «им» глаза, и «они» поймут, что заблуждались. Не раз говорил он мне: «Пусть гонения, гнет и бесправие, насмешки, издевательства и несправедливость, но мы ответим на все это самым верным, самым испытанным орудием нашего народа — моралью. Великая, неодолимая сила морали в том, что она выражение правды жизни, выражение подлинных и неустранимых потребностей народов. Мораль, к которой стремится человечество, нужна всем, кроме, разумеется, тех, которыми держится насилие и гнет, царящие в нашей жизни. Но пробьет час, — и угнетатели устыдятся, мы же будем правдивыми и исполним свой долг до конца».

Прошло долгое время, в течение которого я не видел Трумпельдора. Слышал я, что охотники 27-го полка оперируют где-то вдали от Артура. Что с моим другом, — я толком не знал. Окольными путями узнавал я, что он жив, невредим и первый сорви-голова в раз-

ведках, что он герой и хороший товарищ в нужде и опасности, что его отвага необыковенна.

Наступил июль 1904 г. Жара стояла невыносимая. Бои шли упорные, — на море и на суше. Японцы одерживали победу за победой. Наш гарнизон все оттеснялся к внутренним фортами крепости. Боевая линия все суживалась, и, наконец, наш полк, находившийся до сих пор в «глубоком тылу», оказался на передовых позициях. В один из таких дней распространился слух, что Трумпельдор убит; нашелся солдат, который утверждал, что он сам вынес его из линии огня раненным и хотел донести его до перевязочного пункта, но по дороге Трумпельдор скончался на его руках, так что он вынужден был оставить его в поле; во всяком случае тело его вне боевой линии. Я тут-же отправился в канцелярию полка узнать точно обо всем. По дороге я встретил ад'ютанта полка и решил обратиться к нему за справкой; но он предупредил меня: «Белоцерковский, ты слышал, какое несчастье постигло наш полк? Трумпельдор убит! Жаль его, бравый был солдат. Скажи на милость, он, действительно, — настоящий еврей, или же из кавказских субботников?» Я, как полагается, приложил руку к козырку и ответил,

что Трумпельдор — «настоящий» еврей и что его отец — выходец из Польши. Я поинтересовался, можно-ли будет найти его тело и похоронить его по обрядам еврейской религии. «Даже должно, раз он еврей», — ответил офицер. Я пошел, чтобы посоветоваться с товарищами-евреями относительно его похорон.

В действительности-же оказалось, что Трумпельдор был жив и на Мертвой Горке командовал охотниками до последнего момента боя, оставив окопы последним. А случилось это так: накануне того дня начальник охотничьей команды 27-го полка получил приказ занять Мертвую Горку и удерживать ее во чтобы то ни стало. Но когда начался бой, и японцы упорно стали громить эту Горку, начальник команды «почувствовал себя плохо» и передал командование над ротой фельдфебелю. Фельдфебель, спустя короткое время, решил, что долг подчиненного проведать своего начальника и отправился «искать командира», а начальство над командой вручил старшему взводному унтер-офицеру, который, в свою очередь, последовал примеру своего фельдфебеля и передал командование Трумпельдору. Трумпельдор, взяв в руки командование над ротой, стал у выхода из окопа и заявил, что он теперь — начальник роты и что никто не

уйдет отсюда, пока не будет истрачен последний патрон. Он воодушевил всех своим личным примером, и в скорости ему удалось отбить аттаку. Но японцы успели подвести свои орудия и совершенно разбить Мертвую Горку. Многие из солдат Трумпельдора пали мертвыми, многие оказались раненными; еще большее количество ушло «искать начальство», — подобно фельдфебелю и взводному. Трумпельдор остался только с одним солдатом. Делать было нечего, надо было отступать, тем более, что японцы уже заняли часть окопа. Трумпельдор с «остатком своей армии» отступил. И по пути отступления он встретил морского полковника, который шел прямо на Мертвую Горку. Трумпельдор спросил его, куда он идет, — если на Горку, то напрасно, ибо она уже занята японцами. Офицер спросил Трумпельдора не поздно-ли, по его мнению, выбить их оттуда. Трумпельдор ответил, что это было бы возможно при наличии хотя бы роты солдат.

— Беги скорей, — обратился тогда к нему полковник, — за этим перевалом стоят мои матросы; передай им мой приказ, чтобы они поспешили.

Трумпельдор помчался, но матросов за перевалом он не нашел; только вдали, по напра-

влению к городу, он заметил колонну удалявшихся матросов. Тем временем японцы засыпали всю эту местность и с моря и с суши ураганным огнем своих дальнобойных орудий. Трумпельдор вернулся и доложил полковнику о бегстве матросов. Тот схватился за голову, опустился на камень и стал кричать: «жиды вы этакие, изменили». Трумпельдор запротестовал, рассказал ему всю историю с Мертвой Горкой. И в ответ получил обычный комплимент: «Ты не похож на еврея». Полковник отправился искать своих матросов, а Трумпельдора снабдил двумя записками: одной на имя командира 27-го полка, а другой на имя начальника бригады, генерала Кондратенко, который находился поблизости, в одной из Портартурских долин, с донесением о происшедшем. Генерал Кондратенко, прочитав рапорт полковника и расспросив Трумпельдора обо всем подробно, приказал ему и его товарищу, по фамилии Вдовин, остаться здесь, так как тут будет поставлена ночная застава, на случай, если «япошки» вздумают ворваться ночью в город.

Трумпельдор и Вдовин остались в сторожевой охране. Между прочим надо заметить, что этот солдатик Вдовин страстно любил Трумпельдора. Ночь была темная, жуткая. Дождь

лил, как из ведра, ветер завывал. Небо было черное, зги не видать. Трумпельдора и его товарища поставили в секретный пост. Стояли они вдвоем в ущельи меж скалистых гор и напряженно всматривались в черноту. Вдруг они почуяли какие-то тени. Именно «почуяли», потому что никого и ничего они не видели, но чувствовали, что кто-то около и вокруг них есть. Вдовин решил, что это японцы и, следовательно, надо дать знать в штаб заставы. Но Трумпельдор остановил его: хотя секретному посту и не полагается окликать, но так как он уверен, что это солдаты, застрявшие в разбитых окопах и теперь пробирающиеся в свои части, то нужно спросить, кто там. И на вопрос «кто идет?» тотчас получился ответ: «свои». Оказалось, что пять солдат артурского гарнизона пробираются к своим. Трумпельдор посоветовал им остаться здесь до утра, дабы избегнуть тревоги, которую они могут наделать на других постах. Утром он их привел в штаб заставы, а сам вернулся в полк, где товарищи радостно встретили его целым и невредимым.

Прошло несколько дней после этой истории, а Трумпельдор все еще находился «на отдыхе». Постепенно пришли все «пропавшие» было солдаты, начальник команды тоже уже

оправился от своей «дурноты», внезапно овладевшей им в день боя. Июль был уже на исходе. Японцы нанесли русским новый удар. 28-го июля русская эскадра была разбита и рассеяна при попытке прорваться из Порт-Артура. А в первых числах августа подошли свежие японские силы генерала Ноги, и он повел новое наступление по всей линии, развив ураганный огонь. И 6-го августа, рано утром, наши охотники опять были двинуты в действие. В этот день шел ожесточенный бой на Длинной; туда и направили охотников. Там Трумпельдор и был ранен. На этот раз вести о несчастьи с ним оказались правдой. В штаб полка было официально сообщено, что охотник 27-го полка Иосиф Трумпельдор выбыл из строя; его ранили тяжело. Целый день искали мы его и не могли найти. Только в 10 часов вечера позвонили из Морского госпиталя, что там находится на излечении ефрейтор Трумпельдор, что рана у него оказалась серьезная, а посему ему ампутировали левую руку. Теперь он вне опасности, самочувствие хорошее, температура нормальная.

Подробностей ранения я не знал. Ночью итти к нему было невозможно. Пришлось отложить на завтра. На утро я пошел его проведать. Мне было жутко. Я себе не мог пред-

ставить Трумпельдора — высокого, сильного, здорового богатыря — с одной рукой. Шел я к нему неохотно. Было не по себе. Все время представлялось, что придется утешать его, и всю дорогу я мысленно повторял слова утешения. Оказалось, однако, что все это было ни к чему. Наоборот, как только он меня увидел, он стал меня утешать. Он не переставал утверждать, что чувствует себя великолепно, что это все пустяки, и что в ближайшем будущем он опять отправится на позиции. Я присел к нему на постель. Он воспользовался этим случаем и начал бороться со мной одной рукой, при этом улыбаясь своей милой, искренней улыбкой. Я был поражен таким исходом моей первой встречи с ним после пережитой им потери руки. Я попросил его рассказать мне, как и при каких обстоятельствах его ранило, и он рассказал об этом тихим и ровным голосом, спокойно, как будто речь шла не о нем самом, а о чем-то далеком, давно минувшем. Хотя он был еще слаб, но каждое слово было ясно, отчетливо. Я помню, как теперь, выражение его лица, звук голоса, мимику — и не было никакой разницы с обыкновенной его манерой говорить. Огромных усилий это ему стоит, — подумал я.

— 6-го, рано утром, — начал он, — команда

наша собралась и выступила в поход. Хотел было я с вами повидаться, но не нашел вас. Мне сказали, что вы ушли на Голубиную бухту. Шли мы недолго, не больше получаса, до Длинной. Тут мы выстроились гуськом и рассыпались по окопам форта. Началась перестрелка. Японцы, под прикрытием своих орудий, подошли к самой горе. Мы наверху, а они внизу. Они нас ручными бомбочками, а мы их — камнями. Стрелять нельзя было, ибо приходилось перегибаться через окоп, а это значило рисковать получить «подарок» от японцев. Так мы оборонялись несколько часов. Мы ждали подхода резервов и бомбометной роты. Вдруг около меня убило солдатика нашего полка. Вы его, кажется, знали: он из Тулы, служил в 11-ой роте. Он говорил мне, что знал вас еще в Киеве, когда вы там служили в Бендерском полку. Его и убило. Был он хороший парень, не трус и товарищ. Через маленькое отверстие окопа я видел, кто именно метнул в него бомбу. Меня зло взяло, хотелось швырнуть в убийцу камнем. Выбрал я камень поострее, левую руку, в которой находилась винтовка, положил я на бруствер, а правой метнул в него не хуже, чем бомбочкой. Не знаю, попал ли я в него, но вдруг на мгновенье все перед мною затуманилось, — а когда

я открыл глаза, я увидел себя лежащим вне окопа, на далеком расстоянии от него. Очевидно, бомба была фугасная, удар был сильный, меня подняло и отбросило далеко от окопа; на мне из аммуниции ничего не оказалось, — повидимому, разорвало. В первый момент я ничего не сознавал, а потом я почувствовал страшную, невыносимую боль в левой руке; она отяжелела, словно сто пудов весила. Пощупал я лицо, — оно все оказалось покрыто каким-то слоем. Во рту пересохло. Я поднялся, придерживая левую руку правой, и пошел по направлению к перевязочному пункту. Шел я долго-долго . Очевидно, заблудился. Выбился из сил и упал. Лежал я порядочно долго. Вдруг я почувствовал, что меня кладут на носилки; слышу, говорят: «Это наш Трумпельдор, здорово его ранило». А другой голос говорит, чтобы меня бросили, так как я уже мертв, что лучше живых подбирать. Все это я чувствую и слышу, но ничего не могу сказать, нахожусь словно под каким-то прессом. Когда же услышал я слова — «Бросьте его, он мертв», я собрал последние силы и еле-еле промолвил: «Я жив». На перевязочном пункте меня подкрепили, и я открыл глаза. Оттуда меня отнесли в Морской госпиталь; очередь дошла до меня лишь в 8 час. вечера.

Меня выкупали, врач меня осмотрел и об'явил, что левой руки у меня нет, и в доказательство вынул несколько раздробленных косточек моей руки и показал мне. «Что же делать ? » — спросил я. — «Ампутировать» — был ответ. Я согласился . . . Ну, да это ничего. Отчего вы такой хмурый, чего вы так насупились? Уверяю вас, что это ничего. Вы увидите, как мы еще в будущем будем работать на палестинских полях. — И он опять начал бороться со мною. Было уже поздно, я распрощался с ним до ближайшего свидания.

Во второй раз, когда я к нему пришел, я его застал хмурым .

— Что с вами, Ося ?

— Все-бы ничего, процесс заживания протекает нормально, но вот около меня лежит негодяй, который все время о жидах говорит. Старший врач обещал перевести меня в другую палату.

В госпитале Трумпельдор пролежал минимальный срок. «Что вы делаете ? » — «Да разве можно с такой пустячной раной так долго лежать в госпитале?» отвечал он. И настоял на своем: его выписали. Пришел он в роту, но и там ему не сиделось.

— Скучно мне, да и неблагородно нахо-

дится в тылу в то время, как люди умирают в окопах. Нет, не могу!

— Вы, ведь, имеете право сидеть в тылу.

— Во время войны нет прав у человека, а только обязанности.

— Но вы ведь инвалид.

— Какой я инвалид, если у меня правая рука есть, и я себя чувствую вполне здоровым?

Он думал долго и тяжело. Много ночей не спал. Все взвесил и решил. Был ноябрь 1904 г. Стояла довольно холодная погода. Японцы окружили нас тесным кольцом, угрожая, если мы не сдадимся, разнести все госпитали. Наступления они не предпринимали, но днем и ночью беспрерывно бомбардировали Порт-Артур с моря и с суши. В один из таких дней, когда мы все сидели в блиндажах, укрываясь от японских снарядов, явился ко мне Трумпельдор, — веселый, радостный, бодрый, — и в нашей дыре сразу стало светло.

— Как вы попали сюда, Ося? Откуда и как прошли?

— Ничего, не страшно, снаряды пролетают мимо. Я пришел к вам. Я решил бесповоротно разделить с товарищами боевую жизнь; надоело быть инвалидом. На днях подаю доклад-

ную записку ротному командиру, в которой буду просить разрешения отправиться на позицию и носить револьвер и шашку вместо винтовки.

Решил и сделал. Но ротный командир сам не мог решить такого вопроса и, в свою очередь, обратился с рапортом к командиру полка, приложив при нем записку Трумпельдора. Командир полка опубликовал записку Трумпельдора в приказе по полку, в котором он между прочим писал: «Поступок Трумпельдора должен быть записан золотыми буквами в историю 27-го полка еще потому, что Трумпельдор — еврей, интеллигент, по профессии зубной врач». Он сам, командир полка, вручает ему, Трумпельдору, револьвер и шашку, производит его в взводные унтер-офицеры, а командир 7-ой роты должен назначить ему взвод для командования. Он, командир полка, надеется, что Трумпельдор сумеет быть на высоте положения начальника и не даст почувствовать, что он иной веры, чем его подчиненные. Офицерам полка и всему полку командир полка приказывает выбить особый жетон, преподнести его Трумпельдору и устроить парад, пропустив весь полк церемониальным маршем перед Трумпельдором. И Иосиф Трумпельдор стал командиром 3-го

взвода 7-ой роты, которая находилась на линии огня.

В качестве взводного командира он вполне оправдал надежды командира полка и, действительно, не дал почувствовать, что его подчиненные иной веры, чем он сам. Это было, конечно, не потому, что Трумпельдор принадлежал к тем евреям, которые в таких случаях стараются затушевать свое происхождение; причина была другая. Солдаты обожали его и умели ценить его прямой, благородный характер. К тому же солдаты 7-ой роты уже имели случай узнать его в роли «начальника». Еще когда мы только что приехали в Порт-Артур, Трумпельдор начал играть видную роль в 7-ой роте, — хотя он был в то время еще простым рядовым. Дело в том, что по дороге из России умер наш фельдфебель, большой поклоник Бахуса, и 7-ая рота осталась без хозяина. Ротный командир не мог выбрать другого фельдфебеля из числа унтер-офицеров и скомбинировал фельдфебельскую должность следующим образом: фактически фельдфебелем был Трумпельдор, а номинально таковым считался один из взводных унтер-офицеров. И фактический фельдфебель Трумпельдор отлично вел дело. Командир роты ценил его, а солдаты не могли им нахвалиться. Зная обо

всем этом, солдаты 3-го взвода естественно встретили его с открытой душой, помня, что при нем они будут получать все сполна и никто их не будет обкрадывать в пище и жаловании. Солдаты 3-го взвода вели себя хорошо, в карты не играли, не пьянствовали, но за то командир их заботился о них, как отец о своих детях.

Таким образом, он работал в качестве официального взводного командира до 20-го декабря 1904 года, когда судьба Порт-Артура была решена и генерал Стессель сдал крепость японскому генералу Ноги. Нас, солдат, отвели в Японию, в плен, где начинается для Трумпельдора новая работа, работа культурно-просветительная и сионистская.

IV

В ПЛЕНУ В ЯПОНИИ

Из Порт-Артура вышли мы, как подобает побежденным. Японцы вели нас по тропинкам и дорожкам. Шли мы долго, целый день. Погода была ветренная. К вечеру мы остановились в китайской деревушке на ночлег. И, к нашему удивлению, мы узнали эту деревушку, — она нам была знакома, так как находилась всего в 5 верстах от города. Поняли мы, что японцы водили нас весь день вокруг да около, по военным соображениям. Трумпельдор со своим взводом очутился во дворе одного китайца. Прошло некоторое время, многие уже спали. Трумпельдор вышел во двор посмотреть, все ли люди имеют где и на чем спать; я остался в маленькой палатке устраивать постель. Слышу какое то движение; выглянул и вижу — китаец и его ребята пляшут вокруг Трумпельдора и приговаривают: «Шибко твоя шанго капитана» (хороший ты господин) — «Что такое, Ося?» — «Видите, я

его как то в Артуре защитил от нападения одного пьяного разбойника; теперь он меня узнал и рад, что я жив». Китаец шмыгнул в свою фанзу (избу) и вынес оттуда ананасы, мандарины, рис и другие китайские яства. — «На тебе, капитана, твоя шибко шанго, хунхуза моя кандраши хотел сделать, а твоя не давал». При этом он открыл губы, стиснул зубы и стал вбирать воздух так, что образовался звук «ц-с-с-ы». Это означало, что он очень благодарен за спасение.

Посадка на пароходы произошла в г. Дальнем. До Японии ездили мы дня четыре. Ехать на пароходе было великолепно. Стояла чудная теплая погода. Солнце грело и ласкало. Пароход тихо плыл к берегам сказочной страны Восходящего Солнца. Есть было вдоволь, спать мягко и чисто. Очутились мы словно в раю, после осады. Трумпельдор отдыхал вместе со всеми пленными. Лежит он, бывало, по целым дням на спине с закрытыми глазами и казалось думает о чем то далеком.

— Ося, о чем вы думаете?

— Я не думаю, а стараюсь прийти в себя, чтобы в плену начать новую жизнь, жизнь мирную, культурную.

— Дай Бог.

— Б-р-р-р, гадкая вещь война...

Нас, порт-артурцев, японцы отправили на самый большой остров японского архипелага — Нипо. По этому острову они нас возили по железной дороге два дня, чтобы народ нас видел. Народ выходил на железнодорожные станции и встречал нас криками «банзай, банзай» (ура). Наконец, мы приехали в г. Сакай, откуда нас отправили в Хамадера-Тайкаси, где мы и прожили год с лишним. Место было живописное, — красивая долина на берегу моря, вся покрытая огородами, садами, полями риса, храмами и маленькими домиками. Лагерь для пленных был построен у самого моря. Помещением для жилья нам служили специально построенные деревянные бараки; каждый барак вмещал 200 пленных. Лагерь представлял собою огромную площадь с 50-тью бараками, кроме кухонь, базара, площади для гулянья, различных канцелярий, приемного покоя, четырех караульных помещений, бани, хлебопекарни и прочих служб. Он был окружен с трех сторон высоким забором, а с четвертой, прилегающей к морю, — частоколом. Создался маленький городок с населением в 10.000 мужчин; из него без разрешения начальства не выпускали. Бараки были длинные, узкие, по бокам шли вдоль невысокие нары с цыновками. Барак освещался

электричеством; были также устроены водопровод, уборные и прочие удобства. Чтобы облегчить пленным выполнение религиозных потребностей (так они это об'ясняли), японцы разместили нас по национальностям. Нас, евреев, было среди пленных 500 человек, и мы занимали 3 барака на одном конце лагеря; за нами шли татары, за татарами поляки, немцы, латыши, эстонцы, а затем русские. Во время русско-японской войны военнопленных на работу не посылали; целый день мы были свободны и могли делать, что хотели, понятно, в пределах лагеря. Единственная работа, которую мы должны были выполнить, была работа на кухне и в пекарне, — работа для себя-же. Все-же остальные работы: уборка двора, амбулатории и проч. выполняли старики-японцы. Кормили нас недурно, до некоторой степени обували и даже платили нам «жалованье» — по 50 сантимов в месяц рядовым и по 3 иены унтер-офицерам.

Такова была обстановка, в которой Трумпельдор развил свою деятелность. 500 евреев, собранных в одном месте. Евреи со всех концов России: из Польши, Литвы, Бессарабии, Волыни, Подолии, Кавказа, Сибири, Великороссии, Украины, Крыма. Евреи разных возрастов: двадцатилетние юноши и отцы семейств

(из запаса). Евреи разных классов и убеждений: богатые и бедные, купцы, ремесленники и интеллигенты, сионисты и бундовцы, националисты и ассимиляторы, ортодоксы и свободомыслящие, хасиды разных толков; грамотные и безграмотные, талмудисты и просто евреи без всяких определений. Это был материал, с которым Трумпельдор соприкасался впервые в своей жизни.

Выросши на Кавказе, вдали от еврейской массы, он представлял себе еврея, как представляют себе героя в сказках: еврей — воплощенное благородство, а вокруг него — кривда и неправда. Впервые он ближе узнал еврейскую массу в Тульчине, Подольской губ., куда он попал на военную службу. — «Неужели все евреи такие?» спрашивал он. И сам же давал ответ: — «Нет, ибо если-бы все евреи были таковыми, то русский писатель Д. Мордовцев не писал бы о них так, как он писал, а Элиза Оржешко — ведь она полячка, а как пишет о евреях!»... Жизнь, однако, оказывалась сильнее литературных авторитетов. В Тульчине в то время жил Талненский цадик («дер Талнер ребе»). Трумпельдор, начитавшись хасидских рассказов Л. Переца, решил побывать у цадика. На праздник Сукот, пред от'ездом в Порт Артур, отправились мы к цадику. При-

шли как раз во время трапезы. Было торжественно, много народу сидело за столом. Сам цадик правил трапезу. На Трумпельдора все это произвело сильное впечатление; но после ужина подошел к нам, солдатам, старший сын цадика, мальчик лет 13, и обратился к Трумпельдору:

— Gib mir a kerbele.

Тот не понял, было, чего он хочет. Я ему об'яснил, что мальчик просит у него рубль. Трумпельдор спросил, для чего ему этот «кербеле», тогда меламед и «наставник» сына цадика развил пред нами мысль, что его воспитанник почти уже взрослый, и ему необходимо иметь свою собственную кассу; все посетители дают ему «кербелех», солдаты тоже.

— А почему он не работает? — задал вопрос Трумпельдор.

— Что ты, что ты, как это можно, чтобы сын цадика работал — di gojim soln arbetn (пусть гои работают), — возмущенно заявил воспитатель. Трумпельдор поспешил уйти и долго не мог очнуться от этого посещения. Но Л. Перец победил и здесь. — «Наверное, есть истинные цадики, но нам, простым смертным, не суждено видеть их. Это там, на Литве или в Польше, в Любавиче или в Варшаве живут они, там их Перец и видел»,

утешал он себя. И он достал несколько переводных рассказов Переца о хасидах и цадиках и перечитывал их, а меня он просил, чтобы я ему читал Переца в оригинале и переводил ему. И он успокоился.

— Это единичный случай, просто мальчуган, невоспитанный, не понимающий значения хасидизма.

Евреи остались для Трумпельдора теми-же героями возвышенной сказки... Первое-же соприкосновение с евреями в плену подвергло эту его веру тяжелому испытанию.

Мы, пленные, только что приехали в Тайкаси-Хамадеру. Переночевали первую ночь. Помню, как сегодня, — это было в субботу. Рано утром прибежал к Трумпельдору солдат из нашего барака и со слезами на глазах сообщил ему, что у него ночью украли 100 руб. и что он подозревает одного солдата-еврея из 25-го полка, за которым еще в Порт-Артуре водились такого рода грехи. Трумпельдор заинтересовался делом. Еврей — вор; для него это новость.

— Может быть вам кажется, что у вас украли, может быть у вас и не было денег? Вы понимаете ответственность, какую вы берете на себя, если окажется, что у вас вовсе денег не было?

Но убедившись, что деньги у потерпевшего действительно, были, и именно сто рублей, и что их ночью украли, он взялся за дело. Повозился он с этим до вечера. Вечером он вернулся усталый, но довольный. Деньги он потерпевшему вернул, пообещав виновному, что об этом никто ничего не будет знать; тот в свою очередь дал слово, что это в последний раз. Он по профессии сапожник и будет работать, он просит только достать ему инструменты. И действительно, он позже стал примерным работником. Никто о случившемся больше не вспоминал. И позже, когда Трумпельдор уезжал в Россию (он уехал из Японии на месяц раньше других, как инвалид), этот вернувшийся к своей профессии сапожник напутствовал его благословениями: «Спасибо вам, г. Трумпельдор, вы меня спасли; я теперь уверен в себе; никогда, никогда больше не случится со мною ничего подобного; теперь я рабочий, могу заработать себе на жизнь; это была болезнь у меня, но теперь я чувствую себя вполне здоровым. Спасибо вам. . .»

V

РАБОТА СРЕДИ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Уже с первых дней плена у Трумпельдора появилась идея создать организацию евреев военнопленных. И он энергично взялся за этот план. То, что японцы разместили нас по национальностям, было ему только на руку. Он воспользовался еще тем, что каждые 10 пленных имели отдельный стол, и предложил, чтобы каждый стол выбрал своего представителя для образования Совета, который будет обсуждать «жизненные вопросы» пленных евреев. Предложение было принято и выборы были произведены. На первом же заседании этого Совета Трумпельдор внес ряд предложений. Первым делом — организовать кассу взаимопомощи. Касса эта должна помогать небольшими суммами — главным образом ремесленникам на предмет приобретения инструментов; в отдельных случаях она могла выдавать и на покупку белья тем, у которых такового не имеется. Во-вторых, — открыть школу; для выполнения же

всей этой работы — избрать комитет из 5 человек. Все эти предложения были приняты. Трумпельдор был избран председателем комитета и руководителем культурно-просветительной комиссии.

Он обратился с горячим призывом к тем, у кого имелись кое-какие средства, чтобы они не забыли своих неимущих товарищей, и касса сразу получила возможность начать функционировать. Еврейские бараки превратились в мастерские; то там, то здесь можно было видеть сапожника или портного, склонившимся над своей работой. И не только портные и сапожники были устроены, но и фотограф, и парикмахер, и прочие ремесленники получили возможность, благодаря кассе, зарабатывать сантим-другой на табак или на мыло.

Что касается культурных начинаний, то Трумпельдор первым делом произвел перепись всех грамотных, полуграмотных и безграмотных, а также собрал всех, кто способен был преподавать; затем он устроил школу. Учились всему: кто грамоте, кто истории, кто географии, кто арифметике, а кто всем предметам сразу. Была группа и «высших знаний». Работа в школе кипела. Сразу записались сотни людей. Не прошло и недели, как пришлось школу эту расширить. Поступила просьба к

Трумпельдору и от русских пленных, чтобы он и у них организовал, под своим руководством, школу. Он удовлетворил эту их просьбу, ибо, говорил он, в деле образования «несть ни эллина, ни иудея». Первоначально школа находилась тут же в бараках, но теперь, когда число желающих учиться так расширилось, Трумпельдор обратился к японским властям с просьбой отвести особое помещение для школы. Японцы отвели для этой цели специальный барак. Школа сразу приняла широкие размеры; она насчитывала до 2500 учеников. Целый длинный летний день школа работала. Одна группа сменяла другую по очереди. Были приобретены доски, образовался маленький фонд для покупки письменных принадлежностей. Встретились, однако, и затруднения: не было учебников. Трумпельдор решил и этот вопрос, и решил просто. Он, бывало, сидит по ночам и «создает» учебник русской грамматики. На клочках бумаги он писал и другие учебники. На утро его записки подхватывались, переписывались и передавались другим, переходя из рук в руки. По праздникам он читал лекции по элементарной истории и космографии. Впоследствии число учеников в школе еще больше возросло, так как те, которые кое-чему уже научились, имели свои маленькие группки

у себя «дома», в своем бараке, — понятно, под общим наблюдением Трумпельдора. Он старался привлечь грамотных к учительству, и ему удалось это. Имелась уже довольно обширная группа учителей из вольноопределяющихся и других более образованных элементов среди пленных.

Само собой разумеется, что школа создала спрос на книгу. Очень многие тянулись к чтению, — но не было книг. Тогда Трумпельдор собрал всех учителей и учеников и предложил организовать библиотеку на следующих началах: у многих пленных несомненно имеются книги; пусть все эти книги будут снесены в одно место, с тем, что при от'езде на родину книги будут каждому возвращены. Предложение было принято. Был избран библиотекарь, к которому стали сносить книги. Таким образом, постепенно образовалась библиотека в несколько тысяч томов.

Образовалась вскоре также еврейская театральная «труппа». Она сорганизовалась под руководством одного военнопленного еврея — профессионального артиста из Киева. «Труппа» была довольно сносная. Она стала готовиться к постановке пьесы «Продажа Иосифа» на еврейском языке (идиш). Но вот беда, — русские идиш не понимают. Трумпельдор и тут при-

думал: он выпустил либретто пьесы на русском языке, в котором дал полное изложение этой пьесы. Постановка имела большой успех; пьеса прошла два раза.

Трумпельдор часто выпускал воззвания к пленным евреям по тем или иным вопросам. Видя, что печатное слово оказывает большое влияние, он задумал издавать постоянную газету для евреев. Задумал — и сделал. Ему было тем легче осуществить это, что к тому времени он мог опираться уже на сорганизованный им сионистский кружок, насчитывавший до 125 членов; он и был председателем кружка. Организация 500 евреев в одну общину, касса взаимопомощи, школа общая и специально-еврейская, беседы на общие и специально-еврейские темы, театр еврейский и общий — все это была одна сторона его деятельности в плену, так сказать, общая, общечеловеческая. Но наряду с ней он ни на мгновение не забывал сионистской работы. Сорганизовав сионистский кружок из пленных евреев, он завязал переписку с американской сионистской федерацией и получил от нее 100 шекельных квитанций, литературу и пр.

Газета выходила еженедельно на русском языке. Называлась она: «Еврейская жизнь.

Бней-Цион мишвуим б'Япан». Редактором ее был сам Трумпельдор, он же был и ее главным сотрудником. Издавалась газета довольно изящно, на хорошей белой японской бумаге; печаталась она на японском гектографе «циклостил». В газете давалась полная картина жизни пленных евреев. Особенно рельефно выделялись фельетоны самого Трумпельдора, под общим названием: «Говорят». Этого «Говорят» боялись пуще огня. По пятницам, — день выхода газеты, — соберутся, бывало, вокруг «редакции» и гадают, кто мол сегодня попал в «Говорят». Очень жаль, что позднейшие обыски в Петербурге не оставили нам ни одного номера этой газеты; теперь я не знаю, где можно достать хотя бы один экземпляр. Выхода газеты мы ждали с огромным нетерпением и расходилась она в 200—250 экземплярах, так как многие собирали номера газеты, чтобы повести на родину. Стоила газета всего 5 японских сант. в месяц (5 коп. за 4 номера).

Средства на издание давал сионистский кружок. Кружок собрал 110 рублей в пользу национального фонда и записал И. Трумпельдора в Золотую Книгу. Кружок занимался и культурной работой. Он был разбит на десятки, и каждый день Трумпельдор устраивал беседу в другом десятке. День беседы был для

десятка праздником. Устраивался «ужин», состоявший из хлеба, редьки, лука, чая и мандарин. И на этих чаепитиях Трумпельдор проповедывал свои идеи, идеи «трудовых колоний» в Палестине и идеи «Hagana», совпадавшие с идеями позднейшей организации «Haschomer».

— В Палестине, — говорил он, — до сих пор нет еще еврейских сторожей и нет почти еврейских рабочих. Наших рабочих нет там потому, что трудно им конкурировать с туземцами, с арабами, у которых меньше культурных потребностей — в газете, книге, одежде, пище. От всех этих, связанных с более высоким культурным уровнем, потребностей городскому жителю трудно отвыкнуть. Мы, прошедшие огонь и воду, проливавшие кровь свою за чужие идеалы, отправимся в Палестину и создадим там образцовую во всех отношениях колонию, которая не будет пользоваться наемным трудом; мы покажем другим пример, что при желании можно обойтись в земледелии без эксплоатации чужого труда ибо для Палестины важнее создать землеробов, а не землевладельцев. Такова первая задача. Но есть и другая: сорганизовать группу сторожей, которая будет уходить в другие колонии и наниматься для охраны, для «Hagana». Это дело новое, но колонисты поймут, что мы будем служить им

не за страх, а за совесть. Ведь служа у частного колониста, мы этим самим делаем общее национальное дело, ибо имущество отдельного лица в Палестине так же дорого, как и имущество национального фонда. Понятно, мы должны стремиться к тому, чтобы земля в новой Палестине принадлежала всему народу, но в то же самое время важно для нации, чтобы и частные хозяйства в стране увеличивались, ибо чем больше будет евреев в Палестине, тем скорее мы ее сможем завоевать. Само собою разумеется, завоевывать страну можно только трудом. Но разве охрана не труд? Всякий труд ценен для Палестины, и тяжелый и легкий. А мы еще не знаем, какой труд тяжелее: нести ли охрану или же работать «пьешом»?

Труд и охрана еврейского имущества в Палестине — таковы были лейтмотивы проповеди Трумпельдора. Проповедовал он эти принципы всем, но осуществить эти идеи он считал не всех способными. Не все могут, не все достойны. К народному делу, по его мнению, должны подходить только честные, сильные телом и духом. И из 125-ти зарегистрированных членов нашего сионистского кружка Трумпельдор выбрал лишь одиннадцать, с которыми он мечтал, по возвращении в Россию, отправиться в Палестину еще в 1906 году. Он на-

деялся, что сионистские круги помогут этой группе и средствами и информацией. Он предложил этой «коммуне» обратиться к М. Усышкину, которого он помнил еще со времен своей сионистской деятельности в Пятигорске, когда он, Трумпельдор, был председателем тамошнего сионистского кружка, а Усышкин уполномоченным этого района. М. Усышкин, по его мнению, человек последовательный и энергичный, обладающий железной волей; при том, ведь, именно Усышкин выступил с проектом, чтобы еврейская молодежь отбывала в Палестине определенное время сионистскую повинность, так что идея группы должна быть близка ему, и он, по всей вероятности, окажет всяческое содействие делу организации еврейской охраны в Палестине. Интересно отметить здесь, что позже, уже после возвращения из плена, мы в Петербурге получили от М. Усышкина по поводу наших планов о еврейской охране ответ, который гласил: «В Палестине не было, нет и не может быть еврейской охраны»... Конечно, не только этот ответ был причиной тому, что наша группа не уехала в Палестину в 1906 году. Были и другие причины, которые заставили тогда Трумпельдора отложить это дело на некоторое время.

Наступила Пасха 1905 г. Пленные евреи

стали пред вопросом, как добыть мацу. Ведь они не ели хомец, когда были в огне, в Порт-Артуре, — тем более теперь. И все без исключения как-то само собою устремили взоры на Трумпельдора; он, мол, может помочь в деле получения мацы, он, как представитель пленных евреев, должен представить докладную записку японской власти об отпуске на пасхальные дни муки вместо хлеба. И, действительно, Трумпельдор отдается этому делу так, как только он умел отдаваться. Хлопочет пред японцами, раз'ясняет им в чем тут дело, что такое для евреев Пасха, маца и проч. Японцы согласились выдать муку, отвели печь и выдали эту муку за две недели до праздников. Трумпельдор был счастлив: все евреи имели мацу и могли устроить Пасху по всем правилам религии.

— Да разве вы религиозны, что так хлопочете о маце? — спрашивали Трумпельдора наши доморощенные «философы».

— Чудаки, — отвечал им покойный. — Пасха у евреев не религиозный праздник, а символ освобождения от рабства, а маца — это народный обряд, который следует чтить, если живешь среди народа.

VI

«ЖИД — БЕЗРУКИЙ УЧИТЕЛЬ». БОРЬБА. ШКОЛА ИЛИ MAZEIWA?

Десять тысяч пленных разных классов и рангов, десять тысяч здоровых молодых людей, копошившихся целый день, как в муравейнике, трудившихся кто над чем. Среди всей этой многоголовой и пестрой массы единственной фигурой, рельефно выделявшейся над общим уровнем, была фигура Иосифа Трумпельдора. Он трудился день и ночь: преподавал в школе, издавал еврейскую газету и писал статьи для общей газеты, которая при его содействии стала издаваться в лагере, под названием «Друг», посещал ежедневно «чаепития», устраивал лекции, беседы, собрания, — и при всем этом сам успевал еще изучать японский язык. Скоро он научился разговорной японской речи. Это и помогло ему найти среди японских солдат, охранявших нас, японца-еврея. И узнал он у этого японца-«иудея», что в Японии имеются еще евреи, что и они

молятся в талес и тефилин, что их синагога не похожа на японский храм с идолами, — у них идолов нет; в какой-то праздник они в течение 8 дней едят мацу; в Иокагамском округе живет их около 600 семейств такой веры. Трумпельдор собирался даже с'ездить туда, в эту «иудейскую» деревню, с целью изучить детально, что это за секта, но японские власти не разрешали пленным солдатам раз'езжать по стране.

На редкость симпатичный и мягкий в личной жизни, ценный товарищ, он в общественной работе был человеком с твердым и властным характером, с огромной самоуверенностью и с деспотическими замашками. Был, однако, один случай, когда, вопреки своей самоуверенности и при всей своей неспособности терпеть критику и противоречие, Трумпельдор все-же уступил убеждениям своих друзей.

Его друзья видели ясно, что его план сорганизовать всю десятитысячную массу пленных, всю «кобылку», как прозвали русских военнопленных, есть мертворожденное детище, которое может стать опасным и обрушиться на породившего его. Все знали, что о Трумпельдоре уже плетется среди русских пленных ужасная легенда. Все знали об этом, — только он один не знал и не хотел этого слы-

шать. А план его состоял в том, чтобы созвать «сейм» всех военнопленных, — не только нашего двора, но и других близлежащих к Хамадере дворов. Схема была следующая: каждые сто пленных выбирают по одному представителю; эти делегаты выбирают из своей среды временный исполнительный комитет, который должен в самое короткое время выработать «конституцию» и созвать «сейм», который будет высшим органом самоуправления военнопленных. План не был осуществим ни с практической, ни с политической точки зрения. Политически это дело зависело от японских военных властей, а практически — от «кобылки». А «кобылка» и так уже бунтовала против «безрукого учителя». Параллельно с партией революционной организовалась среди них «черная сотня», которая делала свое темное дело. Революционеры из Женевы и из среды пленных распространяли у нас нелегальную литературу, а «черная сотня» сочиняла легенды про «жида — безрукого учителя». Это он, мол, выпускает манифесты о русской свободе, а царь-батюшка никакой свободы не давал и даже не думал давать. Это жиды мутят нашу Русь святую — и там, на родине, и здесь. Пленные жиды хотят, чтобы мы стали «смутьянами»; их зло берет, что нам, право-

славным порт-артурцам, батюшка наш царь пообещал по 100 десятин земли и по 1000 рублей чистоганом, а им, жидам, ничего. Такие и подобные легенды распространялись кем-то среди военнопленных. И под влиянием этого Трумпельдор вынужден был уступить нашим настояниям и отказался от своего плана — создать организацию всех пленных; отныне он продолжал свою работу только среди евреев.

Вскоре после этого Трумпельдором овладело новое увлечение, новый план. Теперь этот план кажется наивным, но тогда он — и не только он один — верил, что его шаг возымеет действие на царя и его министров.

Еще задолго до дней российской свободы 1905 г. стали доходить к нам сведения, что нам, евреям-артурцам, или вообще евреям-военнослужащим действующей армии, дарованы права «николаевских солдат», т. е. повсеместное правожительство. Трумпельдор нахмурился: «И только? Стоило воевать... Нет, этого не будет!» И вот он выпускает воззвание ко всем евреям-пленным, в котором в категорической форме предлагает заявить царю, что если он не даст всем евреям России прав гражданства, то и не надо нам подачки в виде «правожительства», — не ради этого воевали мы и проливали кровь за Россию.

Это воззвание вызвало целую бурю. Пленные евреи разделились на согласных подписать такое заявление царю и несогласных. Это было, однако, не чисто теоретическое различие во мнениях. Несогласные боялись, что если будет подано такое заявление Николаю II, даже без их подписей, тогда и им, несогласным, не сдобровать. И началась баталия. Трумпельдору приходилось выдерживать форменные аттаки. Несогласные действовали во всю. Они требовали от него, чтобы он порвал заявление и перестал даже думать об этом, так как эта затея только повредит пленным. Но Трумпельдор твердо стоял на своем. Он все время твердил одно: «Мы обязаны так поступить, это наш долг; довольно быть рабами, пора показать «им», что мы не нуждаемся в обглоданных костях . . .» Но и несогласные не уступали. Каждый день происходили собрания, митинги, предложение следовало за предложением, — но Трумпельдор стоял на своем. И он победил. Решено было, что подписывают заявление те, кто желает. Таких желающих набралось 130 человек. Эти 130 человек, подписавшихся под заявлением, дали Трумпельдору полномочие действовать в Петербурге по своему усмотрению. А его усмотрение потом, когда он все это на свободе обдумал еще раз и еще раз, было

— предать всю эту затею забвению, так как она нереальна, не имеет под собою почвы, — да и ненужна. Новая, свободная, демократическая Россия даст всем национальностям, населяющим ее огромную территорию, права не только гражданские, не и политические; евреи тоже, по всей вероятности, получат от «Российского Учредительного Собрания» свой «сейм». Так он думал тогда.

В плену выяснилось, что порт-артурский еврейский гарнизон богат: у него имеется большой остаток наличными, около 10 000 р., от своей молельни. Дело в том, что, как известно, в Порт-Артуре евреям жить запрещалось. Но под разными предлогами их там скопилось довольно большое количество; то были купцы, подрядчики, поставщики и пр. У евреев-солдат существовала официально разрешенная молельня. Бесправные евреи пользовались ею и за это вносили большие суммы в солдатскую кассу, главным образом за «алиэс». Из этих-то сумм и накопился остаток при выходе гарнизона из крепости. Деньги эти находились у одного почтенного коммерсанта Ц., который должен был выдать их тому, кто будет иметь полномочие от солдат-артурцев. Трумпельдор и предложил на этот образовавшийся остаток построить в каком-нибудь еврейском городе

черты школу в память евреев-солдат, павших в Порт-Артуре. Бывшие «клей-койдеш», наши «клерикалы», запротестовали. По их мнению, на деньги, которые собирались от «алиэс», нельзя строить светские школы. Загорелась борьба. Дни и недели обсуждался этот вопрос среди пленных евреев. Создались два враждебных лагеря. Трумпельдор имел за собою большинство, но противники бунтовали. А у него была привычка желать, чтобы все соглашались с ним, и он хотел во что бы то ни стало переубедить «клерикалов» и для этой цели устраивал дискуссионные собрания, на которых излагал программу школы. По мнению Трумпельдора, следует создать трудовую школу для детей бывших на войне евреев в память евреев-солдат, павших в Порт-Артуре. Нам нужно, чтобы наши дети воспитывались лучше, чем мы, чтобы они получали физическое воспитание; это необходимо не только лично для нас самих, но и для всего народа. Народ наш должен пойти в Палестину здоровым, сильным, крепким. Мы будем первыми, которые положат начало новому пути в деле еврейской школы. И не одну такую школу мы создадим, а целый ряд школ по всей черте еврейской оседлости. Мы обратимся к евреям России, укажем им, что мы отдали для этого дела все,

что у нас было, и они последуют нашему примеру — и у нас будут средства на много школ.

Но все эти аргументы и планы наталкивались на глухую стену. «Клерикалы» испугались за еврейский «хедер» и, чтобы парализовать предложение Трумпельдора, предложили на эти деньги поставить памятник — mazeiwa евреям-солдатам, погибшим в Порт-Артуре; для этой цели должны быть посланы специальные делегаты в Порт-Артур, и они все там оборудуют. И чтобы совсем побить Трумпельдора, они цитировали какой-то закон из «Шулхан-Аруха», согласно которому именно mazeiwa может свято сохранить память о погибших. Долго шла эта борьба, шла ожесточенно и упорно, и в конце концов ни к чему не привела. Трумпельдор был бессилен доказать «клерикалам», что на деньги от «алиэс» можно строить светские школы. Вопрос остался висящим в воздухе. Решено было, что когда все вернутся в Россию, обе стороны обратятся к духовным авторитетам, и как эти авторитеты решат, так и будет.

Но когда Трумпельдор вернулся в Россию, он вообще отказался от этой мысли. Повлияла на него в этом смысле российская революция; к тому-же почтенный коммерсант Ц., в руках которого находились деньги, представил вместо денег счет, что он остаток денег израсходовал

на нужды больных евреев-солдат, проезжавших из Японии в Россию через Шанхай.

* *
*

Наступило 25-ое августа 1905 г. Был заключен Портсмутский мир между Россией и Японией. Стали поговаривать, что нас, пленных, отправят в Россию. Однако, дело тянулось томительно долго: в первую очередь мы дождались лишь того, что стали отправлять на родину инвалидов. Трумпельдор, как инвалид, тоже подлежал отправке домой. Стали готовиться к его от'езду. Готовились не только мы, евреи, но и весь лагерь. Ученики созданной им школы фотографировались отдельно, учителя отдельно, библиотека отдельно, сионистский кружок, еврейская редакция, редакция общей газеты «Друг» — отдельно. Между прочим, «Друг» ко дню от'езда Трумпельдора выпустил специальный номер, посвященный ему. Евреи преподнесли ему адрес в красивом японском альбоме, устроили торжественное заседание и чествовали его; все старые споры были позабыты: друзья и былые недруги об'единились в одном красивом порыве; каждый стремился получить его фотографическую карточку с его надписью; получивший ликовал,

а неполучивший был глубоко огорчен. А когда наступил момент разлуки, то собралась тысячная толпа перед его «домом» и ждала его выхода; когда он появился на пороге своего «дома», его подхватили на руки и так пронесли через весь лагерь с криком: «Вот человек, вот человек, — глядите!». Все хотели подчеркнуть свою признательность ему за все, что он сделал для пленных в области образования. Этими двумя словами: «Вот человек» толпа, особенно русские его ученики, стремились показать всем, что из десяти тысяч нашелся он один, который создал школу для пленных.

Из Японии через Владивосток Трумпельдор поехал в Харбин, где тогда квартировал 27-ой полк. Командир полка встретил его очень тепло; произвел его в старшие унтер-офицеры и представил его главнокомандующему, генералу Линевичу, чтобы тот произвел его в зауряд-прапорщики. Но и генерал Линевич не решился взять на себя такую «ответственность», как произвести еврея в первый офицерский чин, и передал этот вопрос на решение Петербурга. Там сочли необходимым представить Трумпельдора высшим сферам в Царском Селе, после чего воспоследовало, наконец, соизволение нашить ему погоны зауряд-прапорщика. Впоследствии, когда Трумпельдор, вес-

ною 1907 г. выдержал на аттестат зрелости, он был перечислен в прапорщики запаса, согласно Высоч. Указу, по которому лица с средним образованием, имеющие звание зауряд-прапорщика, переводятся в прапорщики запаса. Так он стал офицером русской армии, в запасе *).

После Царскосельского посещения Трумпельдор уезжает к родителям, в Ростов. Но в Ростове среди родных он пробыл не долго и, посетив Пятигорск, он возвращается обратно в Петербург, где начинает новую жизнь.

---

*) По сведениям, Трумпельдор, после возвращения из плена, был представлен, как герой войны, государыне, которая преподнесла ему знак отличия и... искуственную руку. Он стал получать также пенсию, как инвалид-офицер. Во время обсуждения в Государственной Думе проекта правых об исключении евреев из русской армии противники этого проекта в своей защите евреев опирались на пример Трумпельдора.

Изд.

VII

В ПЕТЕРБУРГЕ. «КОММУНА». ПЛАНЫ «ТРУДОВЫХ КОЛОНИЙ»

Столкнувшись с тогдашним революционным настроением, как среди евреев, так и среди неевреев, Трумпельдор решил не подавать царю знаменитого «заявления», вызвавшего столько борьбы в плену. Произведя переоценку своим планам и возможностям, он приходит к убеждению, что он мало подготовлен к той работе, которую он себе наметил, и что ему необходима подготовка не только средней, но и высшей школы. Он отказывается от немедленной поездки в Палестину и от устройства там «трудовых колоний» до того времени, пока не закончит своего среднего и высшего образования. Правда, эта работа отнимет у него 5 — 6 лет, но за то после окончания университета ему легче будет сделать за год то, на что теперь он должен потратить годы и годы, — рассуждал он. Жизнь эволюционирует, и необходимо быть вооруженным научными поз-

ниями, чтобы можно было поспевать за ней. Физические силы очень нужны Палестине, но не меньше нужны ей и знания. Университет, надеялся он, даст ему эти познания.

Убедив себя таким образом, что, идя в университет, он продолжает готовиться для Палестины, Трумпельдор пишет мне в Елисаветград, где я тогда находился у своих родителей, после пяти лет военной службы: «Милый Давид. Из нашей группы 11-ти остались мы вдвоем. Некоторые ушли от нас совсем, другие говорят, что их уход временный. Я не верю, чтобы они опять вернулись к нам. Но это ничего, все к лучшему; теперь мы сделаем более тщательный подбор товарищей для нашей первой колонии. Дело в том, что план наш должен быть расширен, а многие из нашей группы не могли понять этого... Я решил поселиться в Петербурге, временно отказаться от всякой общественной работы, уйти от людей и начать заниматься по предметам среднего учебного заведения, чтобы весною (это было летом 1906 г.) держать экзамен на аттестат зрелости и поступить в университет, на юридический факультет. Последуйте моему примеру. Я знаю, Вас привлекает агрономия. Приезжайте сюда. Будем вместе заниматься. Пусть Вас не страшит, что мы отклоняемся от нашей главной

цели — Палестины. Наоборот, этим мы ускоряем нашу работу. Пусть Вас также не страшат средства. Приезжайте. У меня имеется приблизительно до 30 рублей в месяц, будем вместе «кутить».

И я поехал в Петербург. Квартиру выбрал Трумпельдор на Петербургской стороне, в Татарском переулке, в мансарде. Комнатушка была величиною три шага на три. Он мне сообщил, что комната стоит 9 руб. в месяц с кипятком утром и вечером.

— Это большая экономия, — сказал он, — ведь, чай мы пьем без сахару, так что нам придется тратить на чай всего каких-нибудь 20 коп. в месяц. Обедать будем тут же неподалеку: на Тучковом мосту имеется пловучая столовая Общества Народной Трезвости, — баржа, где можно получить щи с кашей и с куском хлеба за 5 — 6 коп. Я высчитал — продолжал он, — что у нас на двоих должно уйти рублей 17, — сюда уже входит квартира, прачка и рубля три на непредвиденные расходы, а 10 руб. остается на учителей и проч., благо, я имел случай достать все необходимые учебники. Так мы и будем помаленьку жить и заниматься.

И работа началась. День начинался рано и кончался очень поздно. Трумпельдор —

общественник, любивший природу, жизнь, людей, театр, пользовавшийся всегда огромным успехом среди женщин, превратился в настоящего отшельника. День и ночь он работал, никуда не ходил, никого не принимал, весь ушел в занятия. И нужно ему отдать справедливость, — он много успевал, обнаружив выдающиеся способности, усидчивость и огромное терпение. Так проходило время. В Татарском переулке мы занимались, а на «барже» столовались. Баржа была единственным местом, куда мы уходили на полчаса в день, а затем опять шли занятия. Приближался уже ноябрь, на улицах Петербурга стояли большие морозы, а Трумпельдор вынужден был довольствоваться одной кавказской буркой, которая служила ему для двух целей: днем вместо пальто, а ночью — одеялом.

Тихо, спокойно, беззаботно жили мы в тихом углу Петербурга, близ Невы, через которую нам приходилось переходить ежедневно, чтобы попасть в наш пловучий «ресторан». Кормили нас ежедневно щами и кашей, но это нас не трогало, — у нас были другие заботы. Мы тогда ни о чем и ни о ком не думали, а всецело были поглощены своей алгеброй, геометрией, латынью и т. д. Мы даже газет не читали. Лишь однажды наше «мирное житие»

прервал несколько экстравагантный случай. Вернувшись домой из нашего «ресторана», мы были поражены резким запахом духов в комнате. Мы посмотрели друг на друга, как бы спрашивая, что сие значит, откуда, кто? Обратившись к швейцару, мы получили раз'яснение.

— Да, была барышня и просила Вас, — указал швейцар на Трумпельдора, — зайти завтра в 10 час. утра по этому адресу, — и он подал ему визитную карточку. Надпись на карточке гласила: «Княжна Гагарина».

На завтра Трумпельдор, приодевшись почище, но в своей неизменной бурке, отправился к княжне. Через несколько часов он вернулся домой и рассказал, что княжна предложила ему поступить в один из Петербургских полков ад'ютантом с тем, что его произведут в поручики и вообще откроют широкий путь для военной карьеры, — вплоть до военной академии, если он того пожелает. При этом очевидно ему был сделан намек, что ему придется в этом случае переменить свою веру. Но Трумпельдор, поблагодарив ее за внимание, отклонил ея предложение, об'яснив, что он далек от военного дела. При прощании княжна, однако, заверила его, что она всегда готова быть ему полезной. Трумпельдор еще раз поблаго-

дарил ее, и они расстались. Больше он не встречался с княжной и к ее услугам не прибегал. Его жизнь экстерна пошла своим чередом. Об этом эпизоде своей жизни он никогда даже не вспоминал и не любил рассказывать. Ему было как то даже странно думать об этом: он, стремившийся к науке, к труду, к Палестине, — и вдруг поручик, ад'ютант, офицер академии... Нет, не стоит и думать об этом, жаль только, что потерял из за этого полдня...

Весною 1907 г. Трумпельдор выдержал экзамен на аттестат зрелости. Получив свидетельство и подав бумаги в Петербургский университет, на юридический факультет, он уехал в Пятигорск, где все лето отдыхал.

Трумпельдор-студент повел совсем иную жизнь. Экстерном он был отшельником, никого не желал видеть, ни о чем не хотел думать, кроме как о математических формулах или латинских переводах. Студентом же он воскресает опять к жизни и к кипучей деятельности. Общительный по природе, он имеет огромный круг знакомых и много поклонников. Всяким жизненным явлением он интересуется, как бывало интересовался в старое доброе время. На все у него хватало времени: занимался дома, посещал лекции в университете, не пропускал ни одного доклада и реферата в уни-

верситетских кружках, читал по разным отраслям знания. Он, как губка, впитывал в себя все новое. При этом ему приходилось еще и давать уроки, чтобы добывать средства к существованию. Трумпельдор поступил в университет к зиме 1907 — 1908 г., и мы с'ехались в Петербурге. Поселился он на Васильевском Острове, на 5-ой линии, но не один, а образовал «коммуну». Сняты были три комнаты в одной квартире, и жильцы этих трех комнат, в числе 7 человек, были членами «коммуны». «Коммуна» эта ставила себе задачей: вместе вести домашнее хозяйство, а по вечерам устраивать чтения разных авторов по разным вопросам, для саморазвития. Саморазвитие сводилось тогда исключительно к изучению социальных вопросов. Каждый вечер собиралось в этой «коммуне» много студентов и курсисток. Тут были сионисты и антисионисты, социалдемократы обоих толков — меньшевики и большевики, с.-ры, кадеты, бундовцы и сеймовцы, индивидуалисты и общественники и проч., и проч. Споры шли на самые различные темы. Маркс являлся «властителем дум» этих вечеров. Его обсуждали на все лады, читали его в полном виде и в изложении. Среди членов и посетителей «коммуны» были ортодоксальные марксисты и крайние противники

теории Маркса, — сам же Трумпельдор не был марксистом, но не был и противником. Он всегда высказывал свое собственное мнение, которое многих «истов» злило, приводило в бешенство, ибо каждый из них хотел, чтобы «товарищ Ося» мыслил, как он, как его партия. Но Трумпельдор имел свой собственный подход ко всему, свою логику и свой резко выраженный индивидуальный взгляд. Он во многом критически относился к учению Маркса и к его прогнозам. Маркс, по его мнению, допустил грубую ошибку в отношении России и российского рабочего класса; он легкомысленно высказал также мнение о еврейском народе, осудил его и охарактеризовал самым отрицательным образом.

В этот период Трумпельдор много читал. На его столе можно было найти самых разнообразных авторов по социальному вопросу. Но больше всего он в то время увлекался утопиями. Утопия Этьена Кабэ «Икария» была его настольной книгой. Из научных университетских кружков он посещал кружки проф. Петражицкого и Туган-Барановского. Из них любимым его профессором был Туган-Барановский, развивавший в своих лекциях оригинальную «трудовую теорию», противоположную Марксовой. Таким образом прошел

для Трумпельдора первый университетский год.

После летних каникул мы с ним вернулись в Петербург. Трумпельдор тогда уже отказался от жительства в «коммуне» и поселился в центре. Не имея средств к существованию, он поступил в частную контору М. Персица, на 50 руб. в месяц, в качестве писца. Им были довольны за его аккуратность, пунктуальность и добросовестное отношение к своим обязанностям. Целый день работал он в конторе, а вечером занимался, читал и что-то писал, работая часто до поздней ночи. Раз в неделю посещал он литературный кружок студентов при университете. К весне он отказался от службы в конторе, чтобы сдать зачеты по университетским предметам.

Втечение следующего учебного года, 1909 — 1910, Трумпельдор начинает отставать от общих вопросов и приближаться к интересам специально еврейской жизни. Часто можно было видеть его на докладах еврейского литературного общества на Офицерской ул. 42, — в этом центре еврейской общественности Петербурга. Этот год проходит для Трумпельдора в кипучей работе. Как он раньше много читал по общим вопросам, так он теперь запоем работал по еврейскому вопросу и палестинове-

дению. И все чаще начинает он задумываться над своей старой, но для него вечно новой, идеей: о создании в Палестине ряда трудовых колоний, с целью указать новый путь еврейским массам в области колонизации своей родины. К этому времени его идею разделяло уже несколько десятков юношей и девушек, и они вместе решают созвать с'езд сочувствующих. Срок созыва с'езда был назначен на август 1911 г., местом с'езда намечен г. Ромны, Полтавской губ., так как там имелось наибольшее число сочувствующих этим планам.

На с'езде присутствовало 8 человек; из них только один уже побывал в Палестине и собирался туда опять. С'езд принял основные положения группы, которая стала называться: «Группа для устройства трудовых колоний в Палестине». Трумпельдор предложил, чтобы сразу были устроены две колонии, — одна в Палестине, а другая в России. Российская колония должна служить учебной фермой для будущих товарищей. В Палестину эти товарищи должны прийти уже подготовленными к сельскохозяйственной работе. В российской колонии каждый, желающий вступить в ряды группы, сможет испробовать свои силы, так как от всех товарищей требуется, ведь, личный физический труд. Такая колония в России

будет также источником дохода, и благодаря ей можно будет вербовать новых товарищей.

Этот план Трумпельдора вызывал возражения, но ему, после долгих споров и дебатов, уступили с условием, однако, что он должен поехать в Палестину устраивать первую группу. Он согласился. На с'езде решено было немедленно приступить к работе. Было избрано исполнительное бюро, с местопребыванием в Петербурге; во главе его стоял Трумпельдор. Он развил большую работу, завязал сношения со многими городами и местечками и энергично вербовал товарищей.

В своих письмах к «тяготеющим», — так он называл тех, кто считался кандидатом в товарищи группы, — Трумпельдор тогда писал: «Их было 8. Они с'ехались в маленьком городке черты еврейской оседлости и четыре дня под ряд, с утра до позднего вечера, обсуждали «основы и цели». Все они чувствовали висящий над еврейством двойной гнет: национальный и социальный, и все хотели найти выход сразу из этого двойного гнета. Им казалось и кажется, что этот выход найден. Они решили, что устройством трудовых колоний в Палестине можно избавиться от двойного гнета. В трудовые колонии пойдут те многие евреи, которые не могут, при обыкновенных условиях,

переселиться в Палестину. При обыкновенных условиях для самостоятельного устройства в Палестине необходимо в среднем 5.000 руб. на семью, а устраиваться же рабочим, при конкуренции рабочих-арабов, трудно, почти невозможно. Для вступления-же в трудовую колонию требуется внесение пая в 250 руб., — сумма, которую часто нетрудно внести и малосостоятельному. Несмотря на такой незначительный, сравнительно, пай, можно надеяться, что жизнь в колонии сразу и экономически и духовно будет поставлена в хорошие условия. Это у инициативной группы на первом плане. Не то, чтобы они сами боялись или были неспособны на жертвы, но они хотят указать дорогу, которая оказалась бы пригодной для широких масс, обыкновенно не жертвоспособных. В трудовой колонии каждому обеспечено помещение, пища и простая, по возможности, изящная и практичная одежда. Конечно, в начале, когда будут производиться опыты с колонией, возможны неудачи. Посему в первую колонию инициативная группа будет с большою осторожностью вербовать новых товарищей. Для первой колонии нужны стойкие люди, не падающие духом при первой неудаче. И они найдутся. Найдутся потому, что еврейская молодежь не менее дееспособна и самоотверженна,

чем молодежь других наций. Пример «билуйцев» и многих других убеждает в этом. Нужно еще, чтобы входящие в авангард умели работать, чтобы они были знакомы с земледелием, различными профессиями и ремеслами. Пока таких, в общем, немного. Кроме 8-ми, бывших на с'езде, имеется еще четыре. Всего 12 человек. Правда, мало? Но разве маленький ручеек не превращается часто в большую и мощную реку?»

В другом месте он писал о том же деле: «Самое большое, самое важное, что беспокоит меня, это — найдутся-ли еврейские женщины, способные к жизни в колонии. Еврейские женщины еще больше, чем мужчины, ушли от трудовой жизни при земле. И кроме того — чужие виноградники привыкли стеречь дочери Сиона в темные долгие ночи. Но, верю, и дочери Сиона придут к своим виноградникам. Придут»...

Главную мысль свою — об устройстве в Палестине трудовых колоний — он излагает в статье, под названием «Новый Путь», которую он намеревался напечатать до того, как выпустит по этому вопросу обстоятельный труд. К этому труду он готовился годами, упорно и настойчиво. Он изучал сочинения древних, средневековых и современных утопистов. Для

этой-же цели он посетил многие колонии Толстовского типа, на Кавказе и в Воронежской губернии, знакомился с кооперацией во всех странах и изучил историю Палестинской колонизации. Он готовился даже представить по этому предмету работу в университет для получения диплома первой степени.

Эта статья «Новый Путь» не увидела света, по многим причинам: во-первых, за неимением редакции, которая согласилась бы печатать чужие мысли; во-вторых, из за того, что в скорости после этого Трумпельдор уехал в Палестину и сделался там простым рабочим, батраком, не думая, конечно, о статьях. Но эта статья очень характерна для него, и мы считаем нужным, чтобы хотя бы теперь, после его смерти, знали о том, с какими намерениями приехал этот студент-юрист в Палестину и к чему он стремился. Мы приводим эту статью почти целиком в конце, в приложении; здесь мы даем только конец ея, где сообщаются фактические сведения об организуемой им группе:

«В заключение можно сообщить кое-что о группе, уже создавшейся и работающей в этом направлении. Группа эта на своем знамени написала: «Освобождение от национального и социального гнета». Теперь число товарищей доходит, не считая «тяготеющих», до 26-ти, из

них 7 женщин и 19 мужчин. Новые товарищи вербуются крайне осмотрительно; первое требование — уживчивость, второе — работоспособность. Так как заранее трудно решить вопрос даже относительно своей собственной уживчивости и работоспособности, то многие товарищи заявляют, что как только выяснится их неработоспособность или неуживчивость, они сами уйдут из колонии, не желая быть ей в тягость. Пять товарищей работают в Палестине «на земле», в качестве наемных рабочих; это — авангард группы. Установлен пай в 250 р., но принимают товарищей и без пая, раз те удовлетворяют всем остальным требованиям. Возможно, что группа начнет дело осенью 1912 г. Вот некоторые основные положения, касающиеся будущего внутреннего распорядка колонии: Равноценность труда физического и умственного, приятного и неприятного. Отрицательное отношение к наемному труду. Физический труд в колонии обязателен для каждого. Полнейшая терпимость к верованиям и убеждениям товарищей. Орудия производства должны быть общею собственностью. Распределение продуктов производства должно производиться так: предметы первой необходимости (помещение, пища, необходимая одежда) по потребностям; часть идет на общекультур-

ные потребности, на погашение долгов и пр. и пр., все остальное делится поровну между всеми членами колонии.»

VIII

В ПАЛЕСТИНЕ. «КОММУНА». СОЗДАНИЕ «ГЕХОЛУЦ»

Начать дело осенью 1912 г., как полагал Трумпельдор, не было возможности. Действительность оказалась сложнее планов Трумпельдора. Больше всего он боялся неуживчивости, — и именно этим он был побит при первой попытке претворить свои идеи в жизнь. Группа, во главе с ним, уехавшая осенью 1912 г. в Палестину и поступившая в колонию Мигдал работать на артельных началах, не ужилась. Число ее участников достигало в начале 15. Двое из них вскоре умерли (один от воспаления легких, а другой покончил собою). В артели, кроме того, пошли неурядицы. Не малым поводом к неурядицам служило присутствие в артели женского элемента. И к концу рабочего года группа разбрелась: кто по Палестине, кто вернулся в Россию... В конце концов Трумпельдор остался одинок. С некоторыми из этой артели Трумпельдор сохранил

доброжелательные отношения, с другими порвал совершенно. И на второй год своей работы в Палестине, после того, как он побывал на Венском сионистском конгрессе, он поступает в качестве рабочего в Деганию, — один, без группы. Здесь и застала его европейская война 1914 г., вынудившая его, как и многих других, покинуть страну.

Трумпельдор поехал в Палестину после сдачи всех государственных экзаменов в университете. Два раза пришлось ему подвергнуться испытанию: осенью 1911 г. он держал государственные экзамены экстерном, потому что до этого был исключен из университета «за политику», но не выдержал по церковному праву; весною 1912 г. он вторично держал экзамен и получил диплом. Уезжал он в Палестину с большими планами и надеждами, и казалось ему, что группа для начала дела подобрана тщательно, и что именно ей, этой группе, удастся начать то, к чему он стремится, но жизнь разбила его мечты. Эта неудача тяжело отозвалась на нем, но не сломила его бодрости и веры. Летом 1914 г., когда я его застал работающим в Дегании, он носился с новыми планами, вербовал новых товарищей, ждал приезда из России новых друзей, думал на праздники Сукот отправиться на прогулку по

стране, с целью облюбовать место для самостоятельного устройства колонии. Война этому помешала.

Члены Мигдалской группы служили на ферме в качестве наемных рабочих. Свою внутреннюю жизнь они пытались вести коммунально. Кухня у них была общая, касса — тоже. Они как-бы усваивали правила жизни будущей колонии. Вначале дело шло гладко, славно, письма Трумпельдора и других были полны энтузиазма, подавали надежды на хорошую будущность. Но не прошло и пары месяцев, как все резко изменилось. Многие из товарищей вовсе перестали писать нам, петербуржцам, а в письмах Трумпельдора начали проскальзывать ноты разочарования, попадались фразы о том, что некоторые из товарищей, повидимому, не так себе представляли совместную жизнь . . .

С Венского конгресса, где он без успеха домогался поддержки своих планов, Трумпельдор поехал в Россию. А хотел он добиться в Вене от руководящих сионистских кругов лишь одного: чтобы была дана гарантия, что колония Мигдал всегда будет пользоваться еврейским трудом. Приехав в Петербург, он прежде всего повидался с тамошними товарищами, сообщил им о делах Мигдалской

группы. Затем он сделал турнэ по городам и местечкам Северо-Западного края, где вербовал новых товарищей для трудовых артелей. Посещения и выступления его производили всюду большое впечатление, но существенной пользы не принесли, так как все это носило теоретический характер, да и он сам тогда не очень уже надеялся на большую пользу для дела.

Но, как сказано было выше, Трумпельдор не отказался от самой идеи «трудовых артелей». Идею таких артелей он кладет в основу созданной им позже трудовой организации «Гехолуц». И чтобы эта последовательность мысли была ясна для нас, мы решаемся нарушить ход рассказа о жизни и деятельности Трумпельдора и считаем уместным привести основные положения организации «Гехолуц», как их понимал Трумпельдор и как он их лично редактировал.

По мнению Трумпельдора, «Гехолуц» — самостоятельная, надпартийная организация, имеющая свой центральный комитет в России, никому неподчиненный. Организация об'единяет своих членов не временно — на год, два, три, а постоянно. В Палестинской политике она считает безусловно необходимым проведение принципа национализации зем-

ли, с предоставлением ее в наследственную аренду в первую очередь коллективам трудящихся, затем отдельным трудящимся, не применяющим постоянного наемного труда, и, наконец, лицам, пользующимся постоянным наемным трудом. До образования еврейского трудового большинства в Палестине «Гехолуц» считает допустимым в еврейских хозяйствах Палестины применение исключительно национального труда. В организацию «Гехолуц» может вступить всякий трудящийся, без различия пола, достигший 17-летнего возраста. «Гехолуц» об'единяет не только *физических* работников, но также и *умственных* (агрономов, врачей, учителей и пр.). В организацию «Гехолуц» могут вступить только либо знающие уже какую-либо профессию, пригодную в Палестине, либо приступившие к изучению таковой. От вступающих в организацию «Гехолуц» *обязательно* требуется: рано или поздно переселиться в Палестину для *постоянного* там жительства; обязаться вести там трудовой, чуждый эксплоатации, образ жизни; заботиться не только об устройстве своей личной жизни, но также содействовать созданию там национального территориально-государственного центра в соответствии с национально-политическими и со-

циально-экономическими интересами трудовых масс; признавать, что национальным языком евреев в Палестине должен быть еврейский язык (Hebräisch).

Осенью 1914 г., когда Турция вступила в мировую войну, Трумпельдор находился (как уже было сказано) в колонии Дегания, где работал в качестве наемного рабочего. Но когда пошли высылки и аресты русских подданных, он был также арестован и выслан из страны, ведь он, кроме всего, числился русским офицером. Попав в Александрию, в Египет, он намеревался пробраться в Россию. Его кипучую натуру манили мировые события, разыгравшиеся на полях сражения, и ему не сиделось на месте . . Убедившись, однако, что придется остаться в Египте надолго, он решил начать здесь культурную работу среди беженцев и опять пропагандировать свою идею о «трудовых «колониях». Но судьбе угодно было, чтобы он стал во главе еврейского легиона. И он подчинился ее зову.

IX

ЕВРЕЙСКИЙ ЛЕГИОН. ГАЛЛИПОЛИ

Еврейский отряд для завоевания Палестины. Был ли Трумпельдор инициатором отряда? — Нет. Был ли он его главным организатором? Тоже нет. Он стоял лишь во главе его.

Доходившие в то время к нам вести из Палестины содержали в себе весьма мало утешительного. Крепко-спаянные и организованные еврейская интеллигенция и рабочие, насильно изгнанные из Палестины, прилагали большие усилия в борьбе с воцарившейся в Палестине нищетой. Но они ничего не в состоянии были сделать, чтобы бороться с воцарившимся там гнетом политическим. Политическое положение еврейского населения Палестины было тяжелое. И палестинцы, покинувшие страну по принуждению, считали, что совершат большое моральное преступление, если не подадут руку помощи своим братьям, оставшимся на своих постах. Новое

чувство, сложное и смутное, овладевало при получении тяжелых вестей о Палестине сердцами всех, кто вчера только жил в стране, кто своим трудом и потом оплодотворял ее ниву и «призывал на ее побеги дожди с благодатного неба». Это не было простое чувство горя. В глубине этого чувства таилось еще другое нечто, — жгучее, мучительное, нечто такое, от чего почти забывалась скорбь. И тогда В. Жаботинский бросил нам идею о еврейском легионе и открыл нам то, имени чего мы не знали. Идея о еврейском отряде не была совершенно нова для тех, кто взялся за ее осуществление. Мысль эта еще раньше зрела среди беженцев; то бывало она вспыхнет, как молния, то опять заглохнет на довольно продолжительное время. Она овладевала умами, но в разброд. Каждый сам про себя думал об этом, но не было общности в этих мыслях и планах. Одна группа, среди которой был и Трумпельдор, дебатировала, правда, этот вопрос сообща, но и у нее он стоял как-то не ясно, не конкретно. Все-же идея легиона смутно жила в сознании у всех, и неудивительно, поэтому, что лозунг, провозглашенный В. Жаботинским так определенно, ярко и цельно, упал на подготовленную почву

и дал всходы. Роль В. Жаботинского можно охарактеризовать его же словами: «Конечно, это не была заслуга (или вина) одного человека — это сделала жизнь, история, сила вещей. Но история находит иногда людей, рукам которых она доверяет свой посев». В то время жизнь, судьба Палестины задали нам задачу, и в раздумьи стали мы перед вопросом: решим ли мы ее, или нет? И пришел В. Жаботинский — и мы решили вопрос положительно.

В переживаемом в то время нами состоянии энтузиазма и порыва было нечто «маккавеевское». Всех нас воодушевляло одно видение, имя которому — родина. Нас воодушевляла одна воля, — мы желали победы Англии над Турцией. Мы считали наше дело потому глубоко важным, что верили, что после войны наступит более счастливый и справедливый период человеческой истории и что и наш народ не будет обойден при этом. И мы старались поэтому тоже принять участие в этой войне. Мы делали это с воодушевлением, мы шли на кровь, вместе с нашими союзниками-англичанами, увлекаемые их примером, так как мы были уверены, что боремся за правое дело и что в будущем наше дело увенчается успехом. Мы делали это для нашей страны и для нашего народа.

В жизни человека бывают моменты, светлые воспоминания о которых никогда не меркнут. Для пишущего эти строки таким моментом было то знаменательное время, когда юноши и пожилые, богатые и бедные, студенты и рабочие потянулись в наше вербовочное бюро записываться в добровольцы «еврейского легиона». Никогда не забуду этого момента. Не забуду волнения, испытанного мною при общении с этими людьми, которые приходили засвидетельствовать свое желание жертвовать своею жизнью ради народа. Всегда с чувством благоговения буду думать о них, ибо верю, что их желание было чисто, как чиста сама правда...

«Конституция» легиона, выработанная В. Жаботинским, была принята на первом организационном заседании 54-х и ими же подписана в виде торжественного обещания. Подпись Иосифа Трумпельдора была на третьем месте, — но не потому, чтобы он не заслужил или не пожелал стоять на первом, а потому, что первые две подписи принадлежали лицам, которые были старше и по возрасту, и по палестинской работе. Первым подписал «конституцию» давний житель Палестины, убеленный уже сединами, один из старых деятелей Палестинского движения — Глускин, а вторым —

В. Жаботинский. «Конституция» была краткая и гласила:

אלכסנדריה של מצרים, אדר התרע"ה:

א. נוסד באלכסנדריה גדוד של מתנדבים עברים, אשר יעמיד את עצמו ברשות ממשלת אנגליה בכדי להשתתף בשחרור ארץ ישראל.

ב. בראש הגדוד יעמוד שלטון, הממונה מאת הועד המיסד, מהמתנדבים יבחרו שלשה צירים להשתתף בשלטון.

ג. כל מתנדב ישבע להקריב את כחו ואת חייו לשחרור ארץ־ישראל, להכנע לשלטון ולבלי עזוב את הגדוד עד קץ פעולתו.

ד. כל מתנדב יקבל מאת הועד המיסד מעון ומזון.

Во главе легиона, само собой понятно, стал Иосиф Трумпельдор. Он был прекрасный солдат, герой, презирающий смерть, готовый на самопожертвование ради своего народа. Но именно эти черты его — излишняя воинственность, при властолюбивом характере, повлекли за собой ряд серьезных ошибок и неумение наладить дело легиона так, как мы все себе первоначально представляли...

Ответственность его еще усугублялась тем, что он стал баталионным командиром, в чине капитана английской службы. Он должен был помнить, что дело «еврейских полков» так же ново, как новы на еврейской улице «трудовые артели», и он должен был поэтому относиться к этому делу сугубо осторожно, а этой-то осто-

рожности он и не проявил. Мы, солдаты и офицеры легиона, не чувствовали в нем реального начальника. Он представлял собою некое таинственное, мистическое, опоэтизированное существо, сросшееся со своим конем и мчащееся в неизвестную даль, не задумываясь ни на секунду над тем, что там впереди: неминуемая смерть или победные лавры.

Поистине можно сказать, что история легиона — это история И. Трумпельдора, и если были неудачи и ошибки у легиона, — то это ошибки и неудачи И. Трумпельдора. Он мнил, что легион — это он, он один. Несмотря, однако, на все ошибки и неудачи, он и легион заслуживают того, чтобы память о них жила в народе и не была забыта.

История Галлипольского отряда — это история сплошной неудачи. Правда, это была честная, благородная неудача, но все таки — неудача. События развивались медленно, и ошибка Трумпельдора заключалась в том, что он хотел искусственно ускорить события.

Действительность разбила многие надежды и планы Трумпельдора, раскрыла всю иллюзорность его попытки «через Галлиполи войти в родную страну». Его порыв был реально бесплоден, но это был порыв подлинного рыцаря. Он говорил: «За страну, в которой я был ора-

таем, в которой стремлюсь в будущем ковать счастье народа, стоит сражаться. Что такое человеческая жизнь? Ведь это ничто в сравнении с жизнью народа. Отчего же не пожертвовать жизнью ради родины. טוב למות בעד ארצנו!

Этим настроением Трумпельдор сумел заразить весь свой отряд. Стоя во главе легиона, он своей обаятельной личностью сумел увлечь за собою и мечтателя, и скромного «шойхета», и веселого гуляку, и угрюмого земледельца, ибо в тот момент они верили, что на земле все люди, все евреи — Трумпельдоры. И мне, одному из этих легионеров, радостно было знать и ощущать, что в кипящей толпе народа есть не один, кто верует в святые идеалы и подвиги. Нас была горсточка. Многие из нас пали. Но наше дело живет. Оно молнией ворвалось в нашу жизнь и все в ней зажгло и осветило. «У нас нет имущества для защиты, — выступим на защиту великой идеи», — такими словами звал нас за собой Трумпельдор. И мы пошли за ним, не задумываясь, как и он сам, над тем, что нас ждет впереди: смерть или слава.

Кто следил за практической деятельностью Трумпельдора в Галлипольском отряде, не мог не сознавать, что в практическом обращении с живым материалом он был положительно

беспомощен. Мысль о том, что надо «показать этим англичанам» еврейскую отвагу и «выдержать» у них какой-то «экзамен», повидимому, абсолютно завладела им: и он совершенно утерял то чутье, без которого и в менее ответственных делах трудно разобраться, не оступившись среди угрожающих противоречий.

С большой торжественностью прошла в легионе присяга. Капитан Трумпельдор в присутствии посторонней публики, Grand-Rabbin'а и полковника Петерсона, английского офицера, под ведением которого находился еврейский отряд, говорил легионерам: «Мы идем не в Палестину, но ради Палестины, и помните, ребята, что с томлением в душе и тревогой во взоре ожидаем мы первого боевого крещения. Оно придет, и я верю, что легионеры не дрогнут, ибо, добровольно наложив на себя великие тяготы войны, они должны радостно итти на служение народу, как идут на празднество». И он не ошибся. «За исключением одного — говорит полковник Петерсон в своей книге об этом легионе — все обнаружили удивительное спокойствие и самообладание во время высадки на Галлипольском полуострове. Они как будто совершенно не сознавали окружающей их опасности.»

Началась усиленная работа. Через не-

сколько дней легион выступил в лагерь. Не только солдаты были неопытны, но многим из начальствующих — офицерам и унтер-офицерам, — нужно было учиться, как надо командовать. С большим рвением занялись они всем этим; и всего после трехнедельной лагерной жизни отряд был отправлен на Галлиполи. Первая и вторая роты, во главе с полковником Петерсоном и Трумпельдором, ушли на одну позицию, а третья и четвертая роты — на другую. Первая и вторая роты вернулись «победоносно» из Галлиполи, а третья и четвертая не вернулись, — а их вернули... Сказалось отсутствие в их среде «капитана Трумпельдора».

* * *

1915 год был годом особой напряженной деятельности для Трумпельдора. Этот год был для него годом военных переживаний. Он, мирный пахарь, мечтатель, утопист, будущий организатор «Гехолуца» — воин. Ирония судьбы! Вегетарианец, толстовец, рыцарь труда, — он всю свою жизнь воюет, ставит на карту свою и чужие жизни. Не легко обошлось ему это; он страдал физически и морально. Две военные кампании проделал он: одну в 1904 году, в Порт Артуре, а другую в 1915 г., на

Галлиполи. Там — бесстрашный рядовой, здесь — бесстрашный капитан. Там воевал за чужой идеал, тут — за свой, сокровенный. Тогда он был юношей, теперь мужчина 34 лет. Тогда он лишь начинал давать побеги, а теперь он был уже вполне зрелый и расцветший деятель и вождь. Ответственность тогда у него была лишь перед самим собою, а теперь — ответственность на нем была огромная. Между тем он, видимо, относился к этой ответственности легко и все ставил на себя. О, эта ответственность! Все хотелось понять, как мог он — умный, отзывчивый идейный — принять на себя ответственность за все те бедствия, которые он внес своим согласием предоставить еврейский легион, как вспомогательную силу англичанам в Галлиполи, стать Zion Mule Corps — вместо того, чтобы согласно первоначальным обещаниям, вести его в Палестину, для освобождения страны. Ведь скажи он: «Нет, мы в Галлиполи итти не можем и не должны», — не пошло бы 90% легионеров...

* * *

В конце лета 1915 г. я вынужден был покинуть Египет из за болезни. До лета 1919 г. я с Трумпельдором не видался. За эти четыре года утекло много воды, многое изменилось.

Когда я увидел его после долгой разлуки в Крыму, я заметил, что он постарел, хотя бодрость и душевная молодость остались теми же, что и раньше. Та же обаятельность, то же настроение, та же вера в правду своего дела.

В Крым попал он из Петербурга, а туда приехал он из Лондона. В Лондон прибыл он из Египта после того, как лорд Киченер осудил Дарданельскую кампанию и английские войска были эвакуированы из Галлиполи. I-я и 2-ая роты еврейского легиона также были эвакуированы и распущены. Еще незадолго до этого он приезжал из Галлиполи в Александрию с целью вербовать добровольцев для пополнения легиона, так как многие выбыли из строя. И вдруг вся затея оборвалась.

* *
*

Трумпельдор не был солдатом по призванию, несмотря на свою «воинственность», он не был профессионалом военного дела. Душевно он был далек от него. Свою огромную силу воли, свою железную энергию он отдавал главным образом не для ратного дела. Солдатом он стал volens nolens; это было для него лишь с р е д с т в о м, орудием для достижения основной задачи — м и р н о г о строительства.

Он звал к труду, к знанию, к культуре. Он верил, что умственный и физический труд равноценны. И мысль эту он кладет в основу созданной им трудовой организации «Гехолуц». На всем, что бы он ни делал, явственно отпечатлевается одна и та же мысль: только мирным трудом мы сможем возродить нашу старую родину. Он против убийства, против насилия и только за идеалы труда он всю свою жизнь боролся. Он прибегает к военным методам только как к средству, под влиянием необходимости. Самая смерть его на границах Палестины имеет символическое значение: пусть дипломаты и воины устанавливают какие угодно границы для нашей страны; действительные границы ее — там, где покоятся наши герои Трумпельдоры. Основываясь на их жертве, мы можем сказать словами В. Жаботинского: «Ничего, о горы Галилеи, Тель-Хай, Кефар-Гилеад, Хамара и Метула, нашими вы были, нашими и останетесь». Появятся другие Трумпельдоры, которые будут вас строить, жить в ваших строениях и охранять их. Первым Трумпельдор должен был умереть, чтобы смертью своей указать другим новый путь, путь возрождения, путь жизни, путь строительства.

Р. Рубинштейн

Трумпельдор в дни революции

(Отрывки из воспоминаний)

В мою дверь постучались.

— Войдите!

Просунулась голова одного из сотрудников нашего сионистского «мерказа». Таинственное выражение лица, весело играющие глаза...

— Вы знаете? Трумпельдор пришел!

Вот уже несколько дней, как в сионистских кругах Петрограда, в особенности среди молодежи, не перестают говорить о Трумпельдоре. Это было в один из бурных летних месяцев 1917 г., в дни необычайной политической напряженности, когда волны революции мощным, безудержным прибоем бушевали на петроградских улицах, на собраниях, в печати, в обществе. Жили со дня на день возбужденно, нервно, окунаясь головой и душой в шумный водоворот слухов, событий, дерзаний и свершений. Мы, сионисты, были особенно обременены тяготами тех дней. Недавно справили седьмой всероссийский с'езд, готовились к выборам в общины, к ВЕС'у (Всероссийский еврейский

с'езд), к учредительному собранию и ко всякого рода выборам, конференциям, митингам, демонстрациям. Все силы были мобилизованы до полного исчерпания. Сионистское движение совершенно неожиданно для нас, «людей центра», широко разросталось. В такие дни личность, единица почти не влекла к себе ничьего внимания. На сцену выступала масса, тысячеголовый коллектив, а в приманчивой дали рисовались задачи широкого охвата, непостижимых глубин...

В этой несравнимой сутолоке лишь одно имя заставило говорить о себе. Это был таинственный Иосиф Трумпельдор... Из уст в уста передавалась легенда, туманная и отрывистая: Порт-Артурский герой... Георгиевский кавалер всех рангов... Потерял левую руку... Высоко-образованный человек... Английский офицер... Боролся мечем за Палестину... Галлиполи... Его личность, его прошлое, его душа были затканы сплошными тайнами — манящими и возбуждающими.

Услышав, что Трумпельдор пришел в «мерказ», я, встрепенувшись, выскочил в другую комнату.

Он уже стоял там, плотно окруженный со всех сторон сотрудниками и вообще гостьми, которые с утра до вечера толпились и жуж-

жали в «merкaзе», точно в улье. Прежде всего бросалась в глаза его английская форма, которую редко случалось нам видеть. Отложной воротник офицерской тужурки, защитного цвета простой галстук, брюки на выпуск, ремень через плечо и вокруг пояса. Высокий, стройный, широкоплечий. Палец правой руки заложен за ремень, рукав левой висит гладко, беспомощно... Но сильнее всего поражало его лицо: тонкие, резко выраженные, правильные черты, крепкий прижим тонких губ и вдобавок — добрые, лучистые, серые глаза... Эти глаза решительно не гармонировали с бравой, суховатой внешностью английского офицера. Могло казаться, что высится перед вами осколок скалы, оторгнутый от гор Иудеи, чудом преображенный в человеческий лик и занесенный попутной бурей сюда, на далекий север... А как же глаза? Да это, вероятно, пара звездочек с неба на тот осколок упали и в свою очередь были преображены...

Трумпельдора забросали вопросами и второпях забыли даже пригласить его присесть. Отвечал он кратко, отрывисто, но охотно. Зачем он приехал в Россию? Как сказать, — после революции, видите ли, захотелось увидеть старую родину, как она, мол, в свободе преуспевает... К тому же следовало бы потол-

ковать с молодежью о разных разностях... Слушали его с огромным любопытством: шутка ли, человек прибыл из такого далека и имеет что то сказать!

Лишь позднее стало известно, что Трумпельдор намеревался начать агитацию за новый палестинский легион, после того, как галлипольское предприятие потерпело крушение..

* * *

Ноябрь 1917. Власть в руках большевистского военно-революционного комитета. Вернее сказать, власти совсем нет. Керенский засел со своими казаками в Гатчине и собирается в поход на Петроград. Большевики беспрерывно шлют красногвардейцев на новый фронт. Внутренним порядком в угрожаемом городе они мало интересуются. Непреоборимый страх об'емлет людей и улицы. Давит сознание полной неопределенности завтрашнего дня. Слухи — туманные, дикие — тяжко ползут от уха к уху: власти нет... толпа взбудоражена... есть подстрекатели... готовятся погромы на евреев... В редакции газеты «Petrograder Togblatt», где я тогда работал, до глубокой ночи трезвонят телефоны:

— Ради Бога, что-то будет? Что-же это будет?

Никто не знал, что будет. Но мы, молодежь, по крайней мере, знали, что́ мы будем делать... А знали мы потому, что нам это сказал Трумпельдор, а ему мы верили, ибо его мы все уже от всего сердца любили.

Трумпельдор организовал самооборону. Он завербовал туда евреев-солдат, студентов и вообще «разночинцев». Все тянулись к нему с открытыми сердцами и молили о приеме. Услыхали об этом студенты-бундовцы из психоневрологического института и приходили завязать с ним высоко-принципиальный диспут на тему о том, что «недопустимо, мол, создавать национально-шовистинистические военные отряды и разбивать силы революции», и о прочих подобных благоглупостях. Но Трумпельдор не поддавался и на все пылкие доводы спорщиков неизменно отвечал загадочной улыбкой.

...Первое организационное собрание. Небольшая комната в еврейском училище на Офицерской 42. Человек 20 студентов, солдат и рабочих. Произносятся пламенные речи. Зовут к единению, к самозащите. Я, нижепоименованный, тоже, помнится, разрешился отборной реторикой. В ту пору мы все болели модной болезнью, носившей выразительное название «болтологии»... Один лишь Трумпельдор спокойно стоял у председательского сто-

лика и внимательно прислушивался к нашим излияниям.

— Ну, господа, а где мы найдем помещение для нашей самообороны? — вдруг прервал он очередного оратора. — Назовите дома!

Это предложение подействовало на нас, как ушат холодной воды: освежило и вернуло нас к действительности, хотя мы еще не покончили с «принципиальной постановкой вопроса».

Стали называть помещения. Наиболее подходящим по многим причинам оказался дом училища «Иврия» на Троицкой 34, в центре города.

— «Иврия» нас не пустит... — усомнился кто-то.

— Так мы возьмем! — ответил Трумпельдор коротко и просто.

Так и случилось. Правление «Иврия» действительно не пускало, а Трумпельдор действительно взял. Он явился туда в сопровождении нескольких солдат, вооруженных винтовками, благополучно украденными из казармы, поставил постового внизу у входа, поднялся наверх во второй этаж, осмотрел большую залу и три смежные классные комнаты и заявил управляющему, что отныне эти комнаты принадлежат еврейской самообороне. Тот покосился на свиту Трумпельдора и вежливо поклонился...

...Строжайший порядок царил в помещении самообороны. В зале лежали сложенными винтовки, провиант, санитарные материалы. В соседней комнате стучали машинки: то наскоро писались приказы по районным отделениям, удостоверения, мандаты, письма. А в маленькой комнатке сидел сам Трумпельдор, начальник штаба нашей самообороны. Спокойно, холодно, как то слишком будничо диктовал он приказы, принимал курьеров, делегации. Вот приходят с Васильевского острова: там назревает что-то неладное. На 6-й линии наши тайные патрули подметили погромную агитацию, направленную, повидимому, умелой рукой. Трумпельдор бросает быстрый взгляд на карту и немедленно приказывает своему помощнику, еврею-прапорщику, поставить в еврейской богадельне скрытый караул... Вот прибегает студент с радостным сообщением, что удалось заполучить еще пару ружей. Трумпельдор улыбается:

— Хорошо...

Как бы ты ни был возбужден и развинчен стоит войти в его комнату и бросить на него взгляд, прохладный ветерок будто подует на тебя и освежит и успокоит расходившиеся нервы. Столько несравнимого спокойствия, простого мужества и уверенности чувствуется

во всей его манере обращения, в его словах, в его короткой, скромной, прелестной улыбке. Разговоры вообще ему не легко даются. Говорит он отрывисто, скудно и часто дополняет слова движением уцелевшей руки. Это был подлинный вождь, изумительно одаренная, духовно-богатая натура. Все окружающие это чувствовали и сознавали, и добровольно, просто, без малейших колебаний и сомнений склонялись перед его авторитетом. Ибо это был человек, всех нас покорявший убедительной силой д е л а и д е л а н и я. И все наши отношения к нему выражались в короткой формуле, превозглашенной у подножия Синая:

— Сделаем и будем слушаться!...

* *
*

Январь 1918. Удручающее отчаяние охватило всех мыслящих и чувствующих деятелей. Общество подавлено тоской и страстным ожиданием «чудесного избавления»... Еврейская общественность распылена в своей растерянности. Перестали верить в возможность установления сильной власти и отменного порядка. Сионисты были, пожалуй, единственными оптимистами, которые еще находили в себе силы с неослабевающей энергией продолжать свою

деятельность. Но никто не был, я сказал бы, так холодно воодушевлен, как Трумпельдор. Его ищущий дух вечно пылал под льдом наружного, кажущегося хладнокровия. Он тогда уже носился с планом создания новой организации, которая боролась бы за Палестинскую землю не только мечом, но и молотом и плугом. Он мечтал о «третьей алии» людей труда — здоровых, преданных, скованных крепкой военной дисциплиной. Из потока политически и морально разложенной человеческой массы тогдашней России он хотел выудить молодые души, далекие от смятенной политики и общественной склоки, и воспитать их к тяжкой борьбе в Палестине. Он создавал «Гехолуц»...

Отклик был значительно слабее, чем при организации самообороны. Ибо, как он поговаривал, легче было находить «героев дня», чем «героев жизни»... Но Трумпельдор духом не падал. На его собрания являются обыкновенно не больше пары десятков охотников, — но он не устает устраивать для них лекции агрономов о земледелии и сам подолгу расказывает им о чудесной жизни еврейского рабочего в Палестине. Новую организацию он себе представлял, как организацию не только труда, но и вооруженной защиты трудовых позиций

в стране, при чем он мне определенно говорил неоднократно о своей мысли учредить «военный отряд Гехолуца». Петроград, конечно, слишком тесен для него — и он завязывает сношения с городами и местечками «еврейской черты», мечтает о всероссийской конференции и в тиши прядет крепкие нити будущего широко развившегося гехолуцианского движения. . .

* *
*

Май 1920 года. В просторную камеру Бутырской тюрьмы заключили нас, человек 30 молодежи, арестованных на известной сионистской конференции в Москве.

Чарующий весенний закат. Золотые солнечные блики брызжут через решетчатый переплет окон и ложатся на каменный пол, заполняя камеру грустным отраженным светом.

Сегодня мы получили весть, всех нас подавившую: Трумпельдор пал около Тель-Хай! . . .

Получили мы эту весть случайно: вычитали из скомканной бумажки, спрятанной на дне горшка с кашей, которую прислали нам при очередной «передаче» наши товарищи «с воли».

С последними лучами затухающего заката в душу крадется боль-тоска — тихая, ноющая.

неодолимая. Сионистское движение подавляется. Мы, активные, молодые, неделями сидим под сводами Бутырок в ожидании неопределенной судьбы. Погиб прекраснейший, лучший работник-мечтатель, страстный глашатай и строитель Палестины творческого труда. И умер он, как жил — мужественно, скромно, красиво...

А солнце заходит. Заходит... Все это гнетущей тяжестью валится на душу и выкатывает на глаза неудержимые слезы.

У кого то рождается идея: немедленно справить по Трумпельдору «гражданскую панихиду». Быстро прибирают камеру, чистят стол, табуреты, стараются придать обстановке строгий вид.

На меня выпадает обязанность сказать о погибшем первое слово. Поднимаюсь на койку — импровизированную трибуну, — но колени дрожат и голос обрывается. Как постичь несчастье, как оценить потерю? Тускнеют слова, не вяжется мысль. Ибо так свежа еще и так кровоточива рана... Столь же мало удачны речи остальных ораторов. И «панихида» наша принимает другой оборот.

— Товарищи, «Hatikwa! — крикнул кто-то.

— «Scham baarez», — добавил другой.

Живо вскочили мы с мест — и мощное пение прорезало сумеречную тишину строгих Бутырок. Гасли на каменном полу золотистые отблески заката, прозрачные тени ползли по камере, но лица наши пламенели и голоса звучали все громче, крепче, призывнее. Мужественные, радостью напоенные звуки палестинской песни неудержимой волной рвались через железную решетку наших открытых окон, неслись в глубоко, нежно голубевшую вышину — и верилось, что их аккорд замирает там в далекой Галилее, над свежей могилой у Тель-Хай. . .

Это была первая «панихида» по Трумпельдору в тогдашней России. . .

Приложение

«НОВЫЙ ПУТЬ»

Статья И. Трумпельдора

«Настоящая статья является предварительной к труду, более обстоятельному, который вскоре появится. Многое в настоящей статье излагается схематически, о многом вовсе умалчивается, но главная мысль, надо полагать, и здесь выражена вполне ясно и обстоятельно. Два течения — «практическое» и «политическое» — давно уже борются в сионистском мире. Излишне излагать их, так как и без того они великолепно известны почти всякому; но не лишне сказать несколько слов о важности и неотложности практической работы в Палестине. В настоящее время плотность населения Палестины не велика — всего 26 человек на кв. кил. — и может быть свободно увеличена в 4 или 5 раз. В настоящее время никто серьезно не конкурирует с еврейским народом в деле заселения Палестины. Что будет даже в ближайшем будущем, — неизвест-

но. Быть может, завтра другой народ устремит на нее свои алчные взоры и протянет к ней свою железную руку. Когда фактически лучшие позиции будут захвачены другими, — никакая дипломатия не поможет еврейскому народу. Надо брать, пока можно брать. Но с чего начинать? То, что евреи заселят города Палестины и сосредоточат в своих руках промышленность и торговлю, еще не значит, что еврейский народ устроится в стране. Если производительное сельское население будет иное, еврейскому народу, быть может, когда-нибудь вновь бросят старое обвинение в паразитизме. Важно не то — серьезно или не серьезно обвинение по существу, — а то, что им с м о г у т воспользоваться, и надо заранее принять против этого меры. Еще важнее то, что городское население более подвижно и менее устойчиво, чем сельское. Городских жителей легче победить, легче сбить с позиции, легче вытеснить. Когда еврейский народ своими собственными мозолистыми руками будет взрыхлять родную почву, никто не собьет его с этой позиции, и никто не посмеет бросить ему обвинение в паразитизме. Важность земледельческой колонизации Палестины была учтена, и главное внимание с самого начала палестинского движения было обращено именно

на нее; но сделано в этой области очень немного.

Настоящих земледельцев в Палестине можно разбить на две группы: на колонистов и на рабочих. Многие колонисты пользовались и пользуются филантропической помощью Ротшильда, Еко и т. п. Кроме того замечается в высшей степени прискорбная и гибельная для дела колонизации тенденция еврейских колонистов к обращению в помещиков с наемным арабским трудом. Если эта тенденция укрепится, — быть может, несколько тысяч евреев округлят свои капиталы, но делу завоевания евреями земледельческих позиций Палестины будет нанесен непоправимый вред, — на эти позиции еврейскими руками будут возведены другие.

Еврейских же рабочих в Палестине очень немного. Шаткость и необеспеченность их положения слишком известны, чтобы еще нужно было распространяться о них. Полагать, что при таких условиях можно когда-нибудь перейти к широкой колонизации, слишком наивно, чтобы не сказать более: на это не хватит ни филантронических средств, ни желанья и уменья устраиваться. Где-же выход? Какие новые формы должны прийти на смену филантропической колонизации? Единствен-

ной формой, могущей привлечь частную инициативу широких еврейских масс, является колонизация на кооперативных началах, причем под кооперацией подразумевается всякое сотрудничество нескольких лиц для достижения какой-нибудь общей цели. Здесь не место для изложения принципов кооперации и доказательств выгодности ее; можно, пожалуй, только вспомнить известную английскую пословицу, которой кратко характеризуется выгода простой кооперации. Эта пословица гласит: «Две собаки вместе поймают больше зайцев, чем четыре — порознь». Еще с большим правом это может быть сказано относительно других видов кооперации. Опыт Америки, Дании, Италии, Англии и многих других стран показал, каких блестящих результатов могут достигнуть производительные кооперации в области сельского хозяйства.

А Палестине особенно необходим именно этот вид кооперации, и палестинская действительность давно уже толкает евреев на этот путь. Что-же сделано там в этом направлении? Есть рабочие артели в Дегании и др. местах Палестины. Эти артели имеют очень много положительных сторон, но в конце концов эти рабочие артели в сущности — служащие, которых хозяин держит главным образом из идей-

ных побуждений, часто с большим экономическим риском. Откажи завтра «А. Р. С.» рабочим в Дегании, или предложи она им неподходящие условия службы, — что они смогут сделать? Об'явить забастовку? Но ведь эта забастовка сможет произвести только нравственное давление, а отнюдь не экономическое. Нравственное давление, конечно, хорошая и великая вещь, но едва-ли на нем может держаться экономическая мощь народа. Есть еще Оппенгеймеровский проект. Он тоже имеет много положительных сторон, но и у него есть недостатки. Гордым творцам, оставляющим все и идущим в Палестину творить новую жизнь, он предлагает сухие готовые формы. С этим многие не смогут примириться. Еврейским пионерам в Палестине (с великою скорбью надо сознаться, что время пионерства в родной стране еще не прошло — вопреки утверждениям некоторых) необходима свободная инициатива.

Конечно, всегда найдется достаточное количество рабочих и для Оппенгеймеровских колоний; но помимо неудовлетворительности этой формы колонизации, ввиду подавления ею инициативы отдельных личностей и групп, она, а вместе с нею в этом случае и артели, подобные Дегании, уже потому не могут иметь ши-

рокого общественного значения, что эти опыты не удастся широко поставить из-за отсутствия средств. Да это и лучше,, пожалуй, ибо хилым вышло бы это широкое дело, организованное на таких (в сущности, филантропических) началах. Пусть собираются группы евреев, обладающих большим или меньшим капиталом, и личным трудом за общий счет с круговой друг за друга порукой устраивают колонии. Дело общей народной организации пойти им навстречу путем развития в этом направлении усиленной агитации, создания на коммерческих началах земельного кредита, поставки опытных товарищей - руководителей и проч. Как ни как, а устройство сельскохозяйственных артелей — дело довольно сложное и для евреев новое. Поэтому необходимо, чтобы в этой области все было предусмотрено особенно тщательно. Членами артели должны быть люди уживчивые, дружные, идущие к одной и той же цели. Многие артели погибали потому, что в них входили разношерстные, не спевшиеся люди, которые никак не могли образовать необходимого здорового ядра колонии. Хорошо, если еще до устройства колонии члены артели узнают друг друга и споются по поводу совместной жизни. Члены артели должны не только

хотеть заниматься физическим трудом, но быть способным к этому. Впрочем, в большинстве случаев, как показал опыт, молодые здоровые люди привыкают к физическому труду без особых усилий, особенно при благоприятных психологических и экономических условиях.

Для устройства колонии-артели необходимы, конечно, средства. Размер необходимых средств зависит от места, которое избирается для поселения, и многих других условий. Не зная этих условий, трудно составить более или менее точную смету, но здесь можно сослаться хотя бы на агронома Зусмана, который в своем докладе, прочитанном им в феврале месяце 1912 г. на общем собрании Одесского Палестинского Комитета, утверждает, что для устройства пригородного поселка в 30 человек потребуется всего 6000—7000 рублей. Если расчет агронома Зусмана верен, и если каждый член артели в 30 человек внесет по 250 руб., то пригородный поселок можно будет устроить за наличные. Если же воспользоваться кредитом, то или каждому придется внести еще меньший пай, или дело будет организовано на более широких и устойчивых экономических началах. Надо, однако, осторожно относиться к расчетам и утверждениям даже таких знато-

ков палестинских условий, как агроном Зусман, ибо трудно заранее все предвидеть. Поэтому лучше — особенно первым артелям — назначить пай не менее 250 р., помимо пользования кредитом. Очень важен вопрос о месте устройства первых колоний: устраивать ли их около больших городов или вдали от них? Пригородный поселок имеет под руками широкий рынок и, разумеется, экономически будет устойчивее. Кроме того еврею, как городскому жителю, не привыкшему к тяжелому физическому труду, легче будет освоиться с менее тяжелым и более интересным пригородным трудом. Важно и то, что в пригородных поселках не будет чувствоваться заброшенность и оторванность от культурного мира, которая городскому жителю особенно тяжела. Потом, когда укрепятся пригородные поселки, нетрудно будет продвинуться и вглубь страны.

Процесс устройства колонии должен происходить приблизительно в таком роде. Об'единяются подходящие, уживчивые и работоспособные люди. Если среди них не имеется достаточного количества — приблизительно половины — знакомых с земледельческим трудом, то часть их отправляется в Палестину с тем, чтобы в течение приблизительно года ознакомиться, — служа простым рабочим, —

со всем, что необходимо самостоятельному колонисту. В это время товарищи, что вне Палестины, учатся ремеслам, необходимым в колонии, зарабатывают средства, если это надо, продолжают вербовать новых товарищей и т. п. Когда необходимый опыт добыт, когда имеется достаточное число товарищей (от 30 до 50) и достаточные средства, то при помощи палестинских товарищей завязываются сношения с Палестинской Землеустроительной Компанией, Одесским Палестинским Комитетом или какой-нибудь иной подходящей организацией об уступке земли на условиях долгосрочной выплаты или об открытии кредита на коммерческих основаниях. Когда земля найдена и сделка заключена, палестинские товарищи начинают готовить колонию к приему остальных, и, по мере подготовки ея, товарищи из голуса постепенно переезжают в нее. Было бы чрезвычайно полезно, чтобы несколько человек проработало некоторое время вне Палестины в какой-нибудь давно и крепко сложившейся земледельческой стране, например, в России или Германии. Это дало бы возможность окунуться с головой в серьезную тяжелую работу, приобрести серьезную крепкую связь с землей, познакомиться со многими культурными приемами в области сельского хозяйства. Опыт

показал, что один-два колониста, подделанных, так сказать, «под мужика», т. е. знающих все по хозяйству — прямо незаменимы в подобных проектируемых колониях. Полезно было бы также тем членам групп, что будут авангардом в Палестине, ближе сходиться и привлекать в свои ряды наиболее подходящих из опытных рабочих, проживших в стране по несколько лет. Правда, у таких рабочих обыкновенно нет средств, но зато есть богатый опыт.

В новом деле обычны ошибки и неудачи. И для того, чтобы не пасть духом при первой же неудаче, для того, чтобы в минуту поражения помнить, что за поражением часто идет победа, — для всего этого нужна известная сила духовная, нужен широкий умственный горизонт. Если еще принять во внимание, что в начале придется довольно много возиться с различного рода теоретическими организационными положениями, то ясно станет, что в первую голову, наряду с сознательными рабочими, должны непременно пойти и интеллигенты.

Внутренний распорядок, вероятно, будет различный в различных колониях, так как фактически подобного рода артели почти всегда в жизни оказывались в большей или меньшей степени тяготеющими к коммуниз-

му *). Это тяготение можно считать нормальным и желательным, несмотря на то, что иногда чрезмерное тяготение к коммунизму приводило к краху. Разумеется, от крайностей коммунизма, которые при настоящих общих капиталистических условиях не могут быть проведены в жизнь, надо отказаться. Вообще, не с сухими, вполне определенными формами надо подходить к жизни, а с самыми широкими, которые дадут возможность считаться с нею. Жизнь сама будет обозначать формы и создавать детали.»

---

* Здесь, конечно, подразумевается коммунизм не как политическая система, а как экономическая категория — совместное ведение работ и хозяйства на артельных началах. Изд.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Предисловие, И. Шехтман 5

Гл. I. Первая встреча. 16

Гл. II. Родители Трумпельдора 26

Гл. III. В Порт-Артуре 36

Гл. IV. В плену в Японии 55

Гл. V. Работа среди военнопленных. 63

Гл. VI. „Жид — безрукий учитель“. Борьба. Школа или Mazeiwa? 73

Гл. VII. В Петербурге. „Коммуна“. План „трудовых колоний“ 84

Гл. VIII. В Палестине. „Коммуна“. Создание „Гехолуц“ 100

Гл. IX. Еврейский легион Галлиполи 106

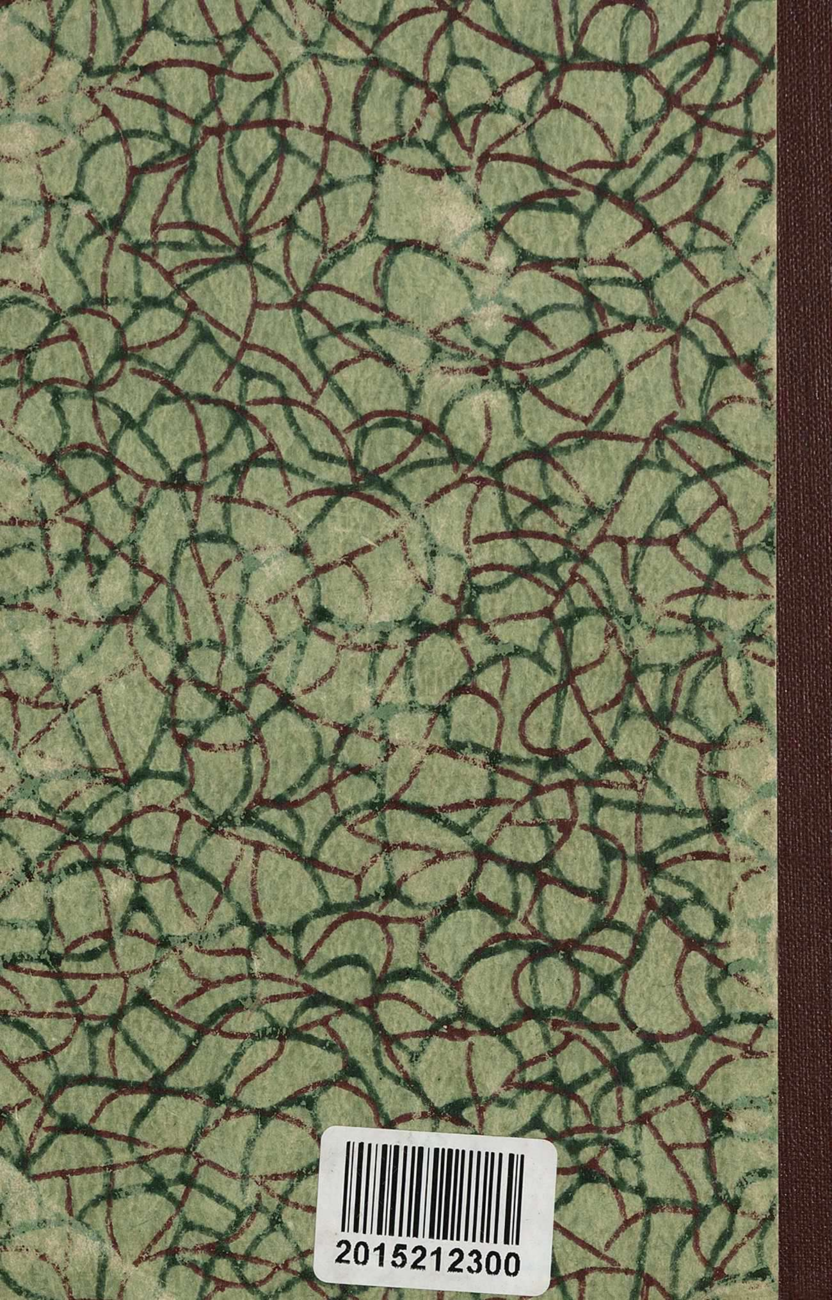
Р. Рубинштейн, Трумпельдор в дни революции (отрывки из воспоминаний). 119

Приложение. „Новый путь“, ст. И. Трумпельдора 131

142

Haupt-Verkauf:

Buchverlags- und
Vertriebsgesellschaft
„GESCHER"
Berlin-Schöneberg
Hauptstr. 37

2015212300